

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.В. ИВАНОВА

***ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАГМАТИКОНА
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ***

Учебное пособие

**Рекомендовано Советом по филологии
Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов
высших учебных заведений, обучающихся по направлению
520300 в специальности 021700 – «Филология»**

УФА 2004

УДК 80
ББК 81
И21

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор ***Т.М. Рогожникова***
(УГАТУ, г. Уфа);
кафедра иностранных языков Башкирского государственного
аграрного университета (г. Уфа)

Иванова С.В.

И 21 Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: Учебное пособие. - Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 134 с.
ISBN 5-7477-1057-5

В пособии рассматриваются как общетеоретические вопросы лингвокультурологии, так и конкретная проблематика, касающаяся определения и структуры языковой личности. В пособии разрабатывается целостная концепция языковой личности, рассматриваются перспективы ее дальнейшего изучения. В центре внимания автора находится прагматико-экстралингвистический уровень языковой личности. Представлена его структуризация, дается анализ его составляющих.

Настоящее издание содержит теоретический и практический материал, который может быть использован в лекционных курсах, на семинарских и практических занятиях по межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Учебное пособие рассчитано на широкий круг специалистов в области общего языкознания, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, английской филологии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	7
Раздел 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	9
1.1. Лингвокультурология как новое направление лингвистических исследований	9
1.2. Языковая личность: понятие и структурная организация	17
1.3. Языковая личность и этнокультурный дискурс	31
1.4. Языковая личность и языковое сознание	37
1.5. Языковая личность как объект лингвистических исследований	39
ВЫВОДЫ	41
Раздел 2. КУЛЬТУРНОСТЬ КАК ПРАГМАТИКО- ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЛИНГВО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ	44
2.1. Составляющие прагматико-экстралингвистического уровня	44
2.2. Информационная база как показатель культурности	45
2.2.1. Составляющие информационной базы	45
2.2.2. Лингвокультурологический аспект фоновых знаний	51
2.2.3. Невербальный аспект общего фонда знаний	74
2.2.4. Лингвокультурологический аспект речевого поведения	75
2.2.5. Лингвокультурологический аспект лексико-грамматического блока речевого общения	88
2.2.6. Средства выражения несогласия в лингвокультурологическом аспекте	89
2.2.7. Лингвокультурологический аспект рече-этикетного блока	94
2.2.8. Конструктивные особенности фрагментов общения	100
2.3. Лингвокультурологический аспект паралингвистики	101
2.4. Лингвокультурологический аспект исследования мотивационной базы	103
2.5. Языковая личность и особенности гендера	106
ВЫВОДЫ	112
ВОПРОСЫ	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (и послесловие)	115
БИБЛИОГРАФИЯ	117
СЛОВАРИ	132

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие продолжает серию работ, сфокусированных на проблематике, относящейся к сфере широко востребованного в настоящее время лингвокультурологического анализа языковых единиц. Специфика данной работы состоит в том, что в ней обобщаются материалы по исследованию прагматико-экстралингвистического уровня языковой личности. Актуальность подобного анализа не вызывает сомнений: в ходе исследования учтены особенности функционирования языка в реальной коммуникации, нашли отражение наработки лингвистов в области изучения прагматических характеристик процесса общения, достижения языковедов в сфере изучения взаимодействия языка и культуры.

Данная работа базируется на основополагающем положении современной лингвокультурологии о центральной, определяющей роли языковой личности при проведении лингвокультурологического исследования. Важность изучения прагматикона, являющегося одной из составляющих структуры языковой личности, предопределена самим фактом его существования. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что детальное описание прагматикона, или прагматико-экстралингвистического уровня, носителя языка остается одной из задач современной лингвистики в связи с тем, что исследованию подобного рода препятствует ряд объективных трудностей.

Во-первых, при рассмотрении данного круга вопросов исследователь вынужден обращаться к пограничным областям лингвистических и экстралингвистических знаний. Однако всякий раз при привлечении экстралингвистических факторов исследователь рискует покинуть надежное поле лингвистики и занять малоубедительную позицию субъективного интерпретатора. Исходя из вышесказанного, вполне естественно предположить, что данная сфера исследований в течение долгого времени не входила в зону внимания ученых. Действительно, грань, проходящая между двумя указанными группами факторов, тонка, и получение

надежных результатов возможно только при соблюдении строжайшего¹ баланса между ними.

Во-вторых, в силу приоритетов устоявшихся и признанных лингвистических направлений первостепенное внимание традиционно отдавалось лингвистическим сущностям как таковым, поскольку все остальное считалось не относящимся к лингвистическому знанию. Однако современные тенденции в проведении лингвистического исследования позволяют лингвистам производить экспансию в смежные области знаний. Более того, привлечение подобных материалов дает возможность придти к таким выводам, которые были немыслимы прежде. Кроме того, плодотворность новых подходов расширяет исследовательскую базу и с точки зрения выбора единиц анализа, и в том, что касается предмета исследования.

Лингвокультурология как реализация новых эвристик дает возможность вполне последовательного и методологически выверенного приближения к описанию взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов при рассмотрении их сквозь призму лингво-культурных связей. Соответственно, данная работа раскрывает еще один аспект взаимодействия языка и культуры и способствует созданию целостного портрета языковой личности.

Данное учебное пособие предназначено для студентов филологических факультетов, аспирантов, соискателей, исследовательский интерес которых сосредоточен на проблемах лингвокультурологии, дискурсивного анализа, речевого поведения, гендерной лингвистики, прагмалингвистики, культуры речи. Охват такого большого диапазона при рассмотрении изучаемого материала связан с особенностями прагматико-экстралингвистического уровня языковой личности, который сосредоточивает в себе всю указанную проблематику. С другой стороны, автор не ставила перед собой задачу подробно осветить все затрагиваемые вопросы. Данная работа нацелена, прежде всего,

¹ Несмотря на обескураживающее заявление русского философа Ивана Ильина о том, что «строгость формальна, холодна и жестка» [Ильин 2003: 351], именно она обеспечивает методологическую четкость и надежность результатов исследования.

на конкретизацию круга проблем и потенциальных направлений научного поиска в изучаемой области. Думается, такой подход должен стимулировать дальнейшую самостоятельную научно-исследовательскую работу тех, кто проявляет интерес к проблемам лингвокультурологии.

Материал, который лег в основу данной работы, был апробирован при планировании научно-исследовательской работы студентов III-V курсов, при проведении спецкурса и спецсеминара по введению в лингвокультурологию, предназначенных для студентов английского отделения факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, а также нашел отражение в ряде публикаций автора.

Структура данного пособия обусловлена его теоретико-практической направленностью. Оно содержит в себе как теоретический материал, необходимый для построения методологической базы исследования, так и образцы проведенного исследования, которые раскрывают особенности прагматико-экстралингвистического уровня языковой личности. Представляется, что ценным для изучающих данную тематику может оказаться библиографический указатель, списки обязательной и дополнительной литературы в данной области исследования, вопросы, сфокусированные на основных аспектах избранной проблематики.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

Целью предлагаемого учебного пособия видится осуществление лингвокультурологического анализа прагматико-экстралингвистического уровня языковой личности. В связи с этим представляется важным уточнение структуры данного уровня и выявление его реального наполнения в том, что касается языковых единиц и связано с вербализацией прагматико-экстралингвистических факторов. Все это, по сути, составляет канву осуществленного лингвокультурологического анализа.

Проведение лингвокультурологического анализа подобного рода предполагает обращение к разнообразным насущным вопросам в избранной области. Представляется необходимым уточнение самой структуры языковой личности, а также конкретизация наполнения этой структуры. Поставленная цель и задачи предполагают определенное построение данного исследования. Его первая глава посвящена проблематике языковой личности и связанных с ней явлений: освещаются различные подходы к структуризации языковой личности, обосновывается собственная позиция автора по данному вопросу, рассматриваются смежные понятия «национальный характер», «менталитет», «ментальность». Лингвокультурологическому осмыслению подвергаются такие понятия, как «дискурс», «языковое сознание». Вторая глава сконцентрирована на вопросах, касающихся структурирования и функционирования прагматико-экстралингвистического уровня языковой личности. Подробно разрабатываются составляющие информационной базы говорящего субъекта. Анализ этой базы проводится с учетом явления культурологической маркированности.

Необходимость обращения к одному из уровней языковой личности продиктована желанием заполнить данную нишу. Дело в том, что прагматико-экстралингвистический уровень не нашел еще своего целостного описания в рамках работ лингвистического направления исследования. Попыткой такого описания и является данная работа. Справедливости ради надо отметить, что отдельные фрагменты и сегменты этого уровня становились объектом лингвокультурологического и чисто лингвистического анализа.

Вместе тем хотелось бы подчеркнуть, что крупномасштабная теоретико-практическая работа по очерчиванию границ и конкретному наполнению прагматико-экстралингвистического уровня еще не получила должной целостности.

Понимая, что данная работа появляется в пору «лингвокультурологического взрыва»², мы предполагаем, что многие позиции данного исследования будут дополнены в самом ближайшем будущем. Однако надеемся, что проведенный нами анализ, окажется плодотворной точкой отсчета для дальнейших исследований и дискуссий в данном направлении лингвистических изысканий.

² Именно так охарактеризовал современный этап изысканий в области лингвокультурологии Н.Ф. Алефиренко на конференции, посвященной проблемам лингвокогнитологии, языка и культуры (Институт языкознания, Тамбовский гос. университет, 22-24 апреля 2004 г.).

Раздел 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

1.1. Лингвокультурология как новое направление лингвистических исследований

«Каждый конкретный язык содержит целый мир – не предметы просто, а целые миры»
(М.К. Мамардашвили)³.

Всплеск языковедческих исследований, который мы наблюдаем в последнее время [Ажеж 2003: 9], привел к появлению целого ряда новых или обновленных направлений исследовательского поиска. Среди других с новой силой заявила о себе лингвокультурология, которая, безусловно, не появилась на пустом месте, а была подготовлена всем предшествующим ходом развития языкознания.

Появление лингвокультурологии как нового целостного направления лингвистических исследований представляется весьма знаменательным явлением, вполне соответствующим тенденциям развития современного научного знания. С одной стороны, она стала своеобразным итогом развития филологических изысканий уходящего тысячелетия. Лингвистика XX века, обращенная к человеку в его «многомерности» и продекларировавшая, что «между языком и миром стоит субъект – носитель языка с его личным опытом и социализированным знанием о мире и языке» [Каменская 1990: 35], создала все предпосылки для возникновения лингвокультурологии, сосредоточенной на триаде *язык ÷ культура ÷ языковая личность*.

С другой стороны, лингвокультурология знаменует постсовременный этап развития научного знания, который характеризуется тем, что «на прошлое смотрят не как на

³ См. [Мамардашвили 2002: 492].

предпосылку, а как на свою непосредственную составную часть. Это слияние того, что есть, с тем, что было» [Гулыга 2002: 6]. Именно так наши современники видят возможность достижения прогресса в науке, поскольку «прогресс – неотъемлемое свойство сознательного развития, которое не прерывалось» [Герцен 1948: 30]. Прогресс как «деятельная память» [там же] предполагает аккумуляцию достигнутого, подкрепленную новым знанием, отработанными методами, привлечением новых свидетельств и аргументов, способствующих дальнейшему, более глубокому проникновению в суть изучаемого.

В настоящее время лингвистика осуществляет экспансию в смежные дисциплины, за счет чего происходит обогащение научного знания. Существование в языкознании нескольких, не отрицающих друг друга парадигм [Шаховский 1998: 59], так называемый полипарадигматизм (Е.С. Кубрякова) рассматривается исследователями как показатель эвристической зрелости, как залог плодотворности проводимых изысканий. Так, Клод Ажеж свидетельствует, что «полифония наук сулит значительные открытия в будущем» [Ажеж 2003: 9].

Наглядным, «вещественным» результатом многоголосия современного научного знания и является лингвокультурология. В ней не только сопрягаются векторы нескольких научных парадигм. Она сама существует на стыке целого ряда гуманитарных дисциплин: лингвистики, культурологии, философии, семиотики, литературоведения, психологии, социологии, конфликтологии, этнологии, теории коммуникации и теории межкультурной коммуникации. Многочисленные связи лингвокультурологии со многими областями знаний еще раз доказывают глубину и правомерность высказывания Ю.С. Степанова об особенности современного состояния развития науки: «Творческая деятельность ученого протекает не в «рамках той или иной дисциплины или науки», а в иной системе членения знания – в рамках «проблемной ситуации». «Проблемная ситуация» - вот классификационная единица современного научного знания» [Степанов 1999: 6]. В этом отношении лингвокультурология исходит из тезиса о том, что «каждый язык – прежде всего национальное средство общения, и было бы странным, если бы в нем не отразились специфически

национальные факты материальной и духовной культуры общества, которое он обслуживает» [Виноградов 2003: 39]. Соответственно, лингвокультурология знаменует собой становление нового типа анализа языковых единиц. Целью этого анализа является исследование и описание культурного пространства той или иной лингво-культурной общности сквозь призму языка и дискурса и культурного фона коммуникативного пространства [Красных 2002: 13]. Таким образом, используя образное выражение М.К. Мамардашвили [Мамардашвили 2002: 19], можно констатировать, что лингвокультурология помещает язык «в лоно действия культурной памяти, культурного механизма».

Необходимость и закономерность обращения к лингвокультурологической тематике обусловлена тем, что в последнее время остро встала проблема переосмысления и уточнения представлений о языке в связи с анализом его функционирования, ломающим представления о ригористичности языковых структур, языкового знака. Изучение функционирования языка влечет за собой внимание к проблематике «оязыковления» (Е.Ф. Тарасов): взаимодействия языка и мышления, языка и личности говорящего, языка и культуры. Именно последний комплекс избран в качестве объекта пристрастного внимания и тщательного изучения в рамках лингвокультурологии, сравнительно молодой отрасли языкознания. Всплеск интереса к лингвокультурологии на современном этапе развития языкознания обусловлен целым рядом факторов как общелингвистического, так и частного, внутрипарадигмального, лингвокультурологического, порядков.

Во-первых, происходит изменение теоретических установок: от приоритета универсального, глобального – к доминированию специфического; от констатации структурной детерминированности к пониманию диссипативного характера языка. Современные лингвисты обращают внимание на гибкость языковой структуры, на подвижность языковых единиц. Четкая структурированность, характерная для взглядов исследователей XX века, уступила место более тонкому пониманию неоднозначного характера и природы языка. Динамический аспект лингвистических исследований, считавшийся приоритетным для психолингвистики,

стал проникать и в непосредственно лингвистические работы, авторы которых осознали и выразили необходимость [Трубачев 2002а: 4; Степанов 1995] обратить внимание на «живой язык со всеми атрибутами сложности живого языка» [Трубачев 2002б: 5]. Причем в динамическом ракурсе рассматриваются не только вопросы теории, но это положение становится главенствующим при проведении практического исследования. Так, динамичность языковых структур весьма наглядно предстает при анализе оценочности в целом и аксиологической лексики в частности [Якушина 2003]. О необходимости динамического подхода к фактам языка при рассмотрении их в когнитивном ракурсе убедительно пишут Г.В. Гафарова и Т.А. Кильдибекова [Гафарова, Кильдибекова 2003].

Во-вторых, это связано с «выявлением огромного неоднородного фонда конкретных пограничных явлений и фактов, которые ранее не привлекали к себе пристального внимания, в то же время являлись свидетельством высокой степени сложности и многогранности анализируемого языкового материала, не вписывающегося в традиционную лингвистическую парадигму» [Голякова 2002: 6]. Сюда относятся многие проблемы, возникшие и нашедшие решение уже в рамках теории текста, прагматики.

Более того, стало предельно ясно, что «язык в разнообразии своих форм отражает самые разные способы развития понятий о мире» [Колесов 2000: 10]. В результате внимание к универсалиям [Гринберг 1970; Гринберг, Осгуд, Дженкинс 1970] сменилось столь же глубоким интересом к специфичному, ограниченному рамками одного языка.

Следующим фактором, способствующим развитию лингвокультурологии, стало появление новых парадигм – лингвокогнитологии, теории речевых актов, коммуникативной лингвистики, функциональной лингвистики, теории дискурса, поскольку именно эти направления лингвистического анализа фокусируются вокруг личности говорящего и укладываются в рамки антропоцентрической парадигмы, к которой полноправно принадлежит и лингвокультурология.

Соответственно, аналитические возможности новых парадигм внутри лингвистики, которые позволяют рассматривать известное

под новым углом зрения, поскольку имеют большой исследовательский (интерпретирующий, объяснительный и моделирующий) потенциал, позволяют достичь таких результатов и освоить такие пласты исследовательского массива, которые были недоступны для традиционной лингвистики. В данном отношении нельзя не привести мнения В.И. Герасимова и В.В. Петрова, которые утверждают, что лингвистика не обладает монополией на конструирование общей языковой модели [Герасимов, Петров 1988: 6], а эта последняя строится совместными усилиями исследователей, работающих в рамках различных парадигм.

Немаловажным фактором является и изменение взгляда на исследовательскую процедуру – от доминирования формального подхода к признанию интуиции, языкового чувства, «вчувствования в язык» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), интроспекции (А. Вежбицкая, Д.О. Добровольский). Несмотря на критические замечания отдельных исследователей, направленных на возможности используемых методов, которые утратили нарочитую строгость традиционной лингвистики, новые эвристики широко и плодотворно привлекаются учеными при анализе языкового материала. Свидетельством этому являются многочисленные интересные работы А. Вежбицкой (см. [Вежбицкая 1997, 1999, 2001]).

По-видимому, привлечение новых методов напрямую связано с развитием, расширением, углублением понимания языка: как вечной работы духа, как системы и живой стихии (В. фон Гумбольдт), как «дома духа», «дома философствования» (Ю.С. Степанов), «дома бытия» (А.М. Хайдеггер) по сравнению с его интерпретацией как фиксированной системы языковых знаков.

Безусловно, появлению лингвокультурологии первоначально способствовало ясное осознание того факта, что язык не существует вне культуры [Фесенко 2002: 157] и что культура ведет в языке самостоятельное существование [Маслова 2001: 3, 9, 25, 63; Телия 1998]. Определение цели, предмета и объекта лингвокультурологии (см. [Красных 2002: 12-13; Маслова 2001: 34-35]), являющиеся неоспоримым шагом к рационализации данного знания, позволили лингвокультурологии как самостоятельному направлению лингвистических исследований преодолеть

«мифологичность» предшествующего описания связи языка и культуры. В лингвокультурологии «языковая и связанная неразрывно с ней – культурная сущность» [Трубачев 2002б: 171] поставлены во главу угла и составляют полноценный объект исследования. Соответственно, лингвокультурология дает возможность системного изучения связи языка и культуры, будучи направленной на объективизацию лингво-культурного взаимодействия.

Наконец, изучение связи языка и культуры стало неизбежным следствием наблюдаемой в настоящее время трансформации гуманитарного знания в «необходимую компоненту практической деятельности» [Орлова 2004: 3]. Исследователи подчеркивают, что изыскания в области лингвистики, и в частности лингвокультурологии, служат выработке и реализации решений, касающихся значимых секторов общественной жизни. Так, весьма важны результаты лингвокультурологических исследований в связи с «актуальностью разработки проблем взаимодействия культур разных народов («диалога культур»»)» [Бельчиков 2004: 186], что связано с острым протеканием процессов социального и межэтнического взаимодействия в современном обществе.

Все вышеизложенное с очевидностью свидетельствует о том, что фронт лингвокультурологических исследований должен быть достаточно широк и неоднороден. Множественность толкований этнолингвистики, возможность существования различных интерпретаций в ее рамках уже становились предметом особого рассмотрения лингвистов [Гарипов, Кузеев 1995]. Исходя из различного истолкования сущности и неоднозначного характера лингво-культурных связей [Иванова 2004: 14-17], с одной стороны, а также всех указанных выше факторов, связанных с развитием лингвистической мысли, исследование лингво-культурной специфики представляется возможным проводить в различных направлениях.

Во-первых, представляется возможным описание специфики функционирования самого перечня, арсенала языковых средств и закрепленных за каждым средством культурологических функций. При этом возможны два направления анализа. Представляется возможным проводить исследование, целью которого является

установление культурологических функций языковых единиц. При этом под культурологической функцией понимается сфера манифестации национальной специфики. В этом случае начальной точкой анализа станут единицы языка, спроектированные на пространство культуры. Вместе с тем приемлемо изучение лингвокультурологического взаимодействия в направлении от сфер манифестации национальной специфики к единицам языка, задействованным в обслуживании данных сфер. Далее необходимо перейти от таксономической части исследования к комплексной. Сведение национальной специфики языка только к описанию функционирования отдельных его элементов означает сужение круга исследования. Вслед за выявлением системных функций каждого элемента необходимо определить характер его взаимодействия с рядоположенными. В конечном итоге культурологический подход можно последовательно применить к изучению языка в его четырех аспектах: «в структуре и функционировании, во времени и пространстве» [Гак 1998: 17].

Другим подходом к целостному анализу культурологической маркированности, или национально-культурной специфики языковых единиц является анализ текстового целого. При этом текст понимается не только как “связная совокупность высказываний” [Степанов 2001а: 36], “единое семантическое пространство” [Николаева 2000: 418] но и как культурологическое единство, некое культурологическое пространство, на которое распространяются все законы, действующие в рамках данного культурного целого. В таком случае культурологическая маркированность единиц, вплетенных в полотно текста, будет выявлена за счет ономаσιологического подхода, который “стирает грани между уровнями языка, показывая как средства различных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений” [Гак 1998: 188].

Кроме того, в основе лингвокультурологического анализа может находиться изучение трех сторон языкового знака – семантики, прагматики и синтактики – на предмет локализации в них культурно-ценностной информации [Иванова 2003: 25], которая может быть сопряжена с любой из перечисленных сторон языкового знака.

Наконец, лингвокультурологический анализ может иметь в качестве отправной точки соответствия между культурно-ценностной информацией, передаваемой языковой единицей, и тремя составляющими культуры. Дело в том, что культура представляет собой комплексное целое. Она находит свое выражение, “во-первых, в форме завершенных, нашедших свою материализацию в предметах материальной и духовной деятельности человека. Здесь в результатах человеческой деятельности нашли свое воплощение особенности человеческой деятельности в различных типах культуры, типах человеческого общества, на определенных этапах его человеческого развития. Во-вторых, в форме субъектов, творцов и носителей культуры. Здесь культурология опирается на этнографические описания, этнологию (учение о народе-этноте), на социологические измерения общества. Однако, в отличие от социально-философского рассмотрения общества, культуролог доводит свое исследование до социально-психологического уровня, выделяя национальный характер народа, менталитет (особенности мышления), проявления нравственности. В-третьих, в форме институциональных связей, институтов, которые переводят субъективную деятельность индивидов в объективный план. Здесь речь идет не только о том, “что” производит этнос, и не только “кто” производит, каково культурное лицо (обычаи, нравы и традиции) этноса, а главное – “как производят”. И это “как” характеризует прежде всего способ освоения действительности, технологический опыт, приемы и способы получения информации и передачи их от поколения к поколению” [Драч 1996: 236-237].

Таким образом, можно выделить цивилизационную, социально-психологическую и модусную, или деятельностьную, составляющие культуры. Цивилизационная составляющая культуры предполагает результаты хозяйственной деятельности людей в соответствии с прохождением различных ступеней технического и технологического развития данного сообщества. Социально-психологическая составляющая включает национальный характер, менталитет, проявления нравственности. И, наконец, модусная, или деятельностьная, составляющая

указывает на способы освоения действительности, восприятия и передачи информации.

Совершенно очевидно, что культурно-языковые связи покрывают широкую область проявления действия культуры. Разнородность составляющих культуры, то есть свойство, благодаря которому и достигается широта охвата многообразных явлений действительности, является фактором, затрудняющим изучение культурно-языкового взаимодействия. Тем не менее, исследование лингво-культурных связей и корреляций предполагает обращение к языковым манифестациям любой из перечисленных выше составляющих культуры. Именно в таком подходе видится еще одна возможность конкретизации объекта лингвокультурологического исследования.

Кроме того, лингвокультурологическое исследование в качестве отправной точки может иметь структуру языковой личности, поставленную во главу угла современной лингвистики с ее акцентом на идее антропоцентризма. В этом смысле языковая личность видится как точка пересечения языка и культуры, как «фокус порождения, восприятия и оценки культурных ценностей, выражаемых в языке» [Воробьев 1995: 86]. Соответственно, встает вопрос об определении языковой личности и структурировании этого образования.

1.2. Языковая личность: понятие и структурная организация

Внимание к личности, релевантное для лингвистики, зафиксировано в воззрениях многих современных исследователей. По А.Ф. Лосеву, язык – это онтологически-коммуникативное отражение личностного стержня бытия, связующего Абсолютную Личность Творца с тварной личностью человека [Лосев 1993: 919]. Проблематика языковой личности нашла отражение во многих языковедческих работах, но наибольший вклад в разработку лингвистического аспекта языковой личности внес Ю.Н. Караулов.

Понятие языковой личности было введено в широкий лингвистический обиход Ю.Н. Карауловым. Вместе с тем

появление данного термина имеет довольно долгую предысторию (см. обзор в [Залевская 2000: 94]) и в конечном итоге было обусловлено различными тенденциями в развитии лингвистической мысли. Прежде всего сосюрровская дихотомия «язык – речь» придает равное значение языку как системе, языку как абстракту, с одной стороны, и речевым образованиям, то есть реальному продукту функционирования этой системы, с другой.

В свете этих воззрений определяющая и значимая роль личности говорящего индивида давно нашла отражение в лингвистических исследованиях. Так, А. Мартине отмечал, что любые языковые изменения происходят внутри индивида. Язык же по сути представляет собою "совокупность миллионов микромиров" [Мартине 2000: 18] говорящих на нем субъектов. У. Вайнрайх, размышляя о языковых контактах, полагает, что "местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком" [Вайнрайх 2000: 22]. Вторым фактором, способствующим обращению лингвистов к проблематике языковой личности, является приоритизация коммуникативной функции языка. Общение осуществляется индивидами. Следовательно, полноценное рассмотрение языка в отрыве от личности, говорящей на нем, невозможно. Третьим фактором, стимулировавшим исследования по проблематике языковой личности, стало вытекающее из первых двух понимание и осознание роли субъективного фактора в языке (см. серию АН СССР [Серебренников 1988; Человеческий фактор 1991]). Таким образом, в результате многочисленных и многосторонних исследовательских усилий лингвисты пришли к логическому заключению о том, что все в языке вращается вокруг личности. Именно человек является точкой пересечения разнонаправленных векторов, именно личность является реализацией различных центробежных и центростремительных сил, именно в речи говорящего индивида происходит манифестация всех сложных и противоречивых процессов, касающихся сути языка.

Несмотря на долгую предысторию вопроса о языковой личности, в понимании и определении этого термина ощущалась размытость и отсутствие терминологической четкости. Широкая распространенность этого термина и его кажущаяся

самоочевидность способствовали тому, что вопрос о внесении необходимой ясности в его трактовку не был сформулирован со всей заслуживающей этого остротой. Свободное оперирование данным термином и неоспоримость многих утверждений, как например: “любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей” (Л.П. Клобукова, цит. по [Красных 2001:150]), “если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения” [Прохоров 1997], тем не менее не определяют существа языковой личности.

Кроме того, положение осложняется появлением целого ряда параллельно, а иногда и синонимично употребляемых терминов: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность, человек говорящий, носитель языка, языконоситель, homo loquens. Так, В.В. Красных разграничивает три первых термина и проводит их иерархизацию. В ее понимании “человек говорящий” выступает в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность [Красных 2001: 150-152]. В такой интерпретации языковая личность приобретает системный аспект, это сама парадигма. Речевая личность акцентирует функциональный аспект, это элемент парадигмы. Коммуникативная личность – это личность, принимающая участие в коммуникации. Такая рубрикация соотносится с разграничением системных, функциональных и коммуникативных параметров высказывания. Все эти аспекты в представлении В.В. Красных реализуются в “человеке говорящем”, т.е. “личности, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений)” [Красных 2001: 151].

Нам видится несколько иное взаимоотношение перечисленных терминов. Полагаем, что homo loquens служит обозначению человека, владеющего языком. В широком смысле это “человек говорящий”: homo loquens можно отнести несмотря на парадоксальность высказывания и к глухому и к немому человеку. Homo loquens – это человек, наделенный языковой способностью. С другой стороны, это потенциальный коммуникатор, который может

стать автором и/или реципиентом сообщения. Таким образом, сочетание *homo loquens* уступает место другому термину - “человек говорящий”. “Человек говорящий” предполагает индивида, могущего порождать и воспринимать тексты в силу имеющейся у него языковой способности. Человек говорящий – это тот, кто говорит. Говорить – значит быть участником разговора, т.е. порождать и воспринимать речевые сообщения, переданные посредством вербального языкового кода. Это двуединство в значении сочетания “человек говорящий” позволяет использовать его в различных терминологических контекстах. Как термин он очень удобен при описании процесса коммуникации, ибо позволяет объединить в одном имени продуцента и реципиента сообщения. С другой стороны, в широком смысле он может использоваться наряду с терминами «языковая личность» и “носитель языка”. Однако в “человеке говорящем” акцентирована речедетельностная сторона, в то время как языковая личность несет в себе результат сопряжения языкового, личностного и культурного начал.

Таким образом, языковая личность с обязательностью предполагает определенное мировидение, связанное с культурной традицией этносоциума. Языковая личность являет собою совокупность системных, функциональных, культурологических параметров языконосителя. “Языковая личность” неизбежно влечет за собой такую свою ипостась, как национально-культурную специфику. По меткому замечанию Н.А. Бердяева, «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин» [Бердяев 1997: 85]. Такое понимание термина “языковая личность”, с поправкой на национально-культурную специфику, отличается от понимания, предложенного В.В. Красных. Наконец, сочетание “носитель языка”, а также “языконоситель”, встречающиеся у Д.С. Лихачева, акцентирует аутентичность языка, производимого индивидом.

В силу наибольшей степени отражения лингвокультурологической специфики термин “языковая личность” прочно закрепился в лингвокультурологических исследованиях и требует обстоятельного рассмотрения в рамках данной работы. В настоящее время языковая личность предполагает два феномена.

Во-первых, это “любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире”. Во-вторых, это “комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий системное представление языка с функциональным анализом текстов” [Караулов 1999: 156]. Таким образом, сопоставление обиходного “носитель языка” и лингвистического понятия “языковая личность” подводит к заключению о приоритетном значении когнитивного (видение окружающей действительности), прагматического (достижение поставленной цели) компонентов при ведущей роли потенциального, продуцирующего компонента в духе коммуникативной компетенции.

Наряду с определением получает конкретные очертания и структурная организация языковой личности. Наиболее разработанным этот вопрос предстает в работах Ю.Н. Караулова. Так, в структуре языковой личности он выделяет три уровня: нулевой, или вербально-грамматический, или грамматический и лексико-семантический, или структурно-системный; первый, или когнитивный, или лингвокогнитивный, или тезаурусный; второй, или мотивационный, или прагматический [Караулов 1987: 53; Караулов 1999: 156].

Первый из перечисленных, нулевой в трактовке Ю.Н. Караулова, уровень “принимается каждой языковой личностью как данность” [Караулов 1987: 53]. Он предполагает грамматически правильное владение языковыми единицами с учетом сочетаемостных возможностей лексических единиц. В языковом плане этому уровню соответствуют единицы вербально-грамматического кода. Тезаурусный, или когнитивный уровень представлен концептами, обобщенными понятиями. Этот уровень “включает не просто знание языка в узком смысле слова, а аккумулирует знание носителя языка о мире, то есть фиксирует наивно-языковую картину мира” [Караулов 1999: 89]. И, наконец, прагматический уровень отвечает “за понимание позиции, места человека (говорящего) в мире”, определяется “мотивами,

интересами, оценками и поведенческими установками личности” [Караулов 1999: 155]. В лингвистических терминах прагматический уровень включает дейксис, оценку и пресуппозицию как общий фонд знаний коммуникантов [Караулов 1999: 98].

Безусловно, подход Ю.Н. Караулова вносит конкретику и четкость в определение языковой личности и представление ее конструкта. Вместе с тем данная разработка проблемы структурной организации языковой личности порождает и ряд вопросов. Так, структура языковой личности в толковании Ю.Н. Караулова предполагает, что первый и второй уровни соотносены с национальной культурой, испытывают ее влияние и отражают результаты лингво-культурного взаимодействия.

Вопрос встает при рассмотрении нулевого, вербально-грамматического, или лексико-семантического, уровня. В предложенной выше трактовке этот уровень не имеет культурологической составляющей. Однако еще в 1927 г. А.Ф. Лосев в своей знаменитой работе «Философия имени» пишет: «В слове, и в особенности в имени, - все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; <...>. В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» [Лосев 1999: 44]. Как будто бы дополняя, расширяя и лингвистически обосновывая эту мысль, В.В. Виноградов отмечает, что «язык погружен в материальную действительность, отражая в семантике функциональные соотношения вещей, характеризующих ту или иную социальную среду. Вещи, действия, качества, обстоятельства, отношения функционально связаны между собой в единстве культуры (профессиональной, классовой, национальной и т. п.)» [Виноградов 1999: 111]. Все это вполне согласуется с сущностью номинации и вытекает из нее, ибо «номинация – это не просто обозначение предмета, а фиксация его абстрактной сущности в особой материальной форме – в знаке. <...> Идеальная сторона (составляющая неразрывное единство с материальной) не есть просто отображение предмета, а представляет собой закрепление преобразованного в сознании человека в процессе познания одного из бесчисленных свойств предмета» [Колшанский 1976: 13]. Какое из свойств окажется базовым для номинации и составляет этно-

культурную специфику, отраженную как в процессе познания, так и в процессе вербализации сущности познанного.

Кроме того, «положение о языке как о действительном сознании дает возможность полагать, что в языковой системе реальная действительность отражается в таких формах, которые соотносятся как с логическим, так и с чувственным познанием мира. Таким образом, и оценка, и эмоции, и воля, и чувства находят закономерное выражение в языковой системе как осознанные явления, как осознанные факты эмоциональных переживаний, оценок и т.п. – в такой же степени, как и прочие объекты, включенные в психическую сферу человека» [Языковая номинация 1977: 27]. А вместе со всем перечисленным в язык входит фактор культурной маркированности и детерминированности, напрямую связанный с эмоционально-чувственным освоением мира.

В этой связи нельзя не упомянуть о «субъективном содержании языкового знака», так называемых «личностных смыслах», включенных в значение языковой единицы [Леонтьев 1976: 55], которые формируются в результате познавательной и хозяйственной деятельности субъекта. О «комплексах ассоциативных значений, произвольно всплывающих при восприятии данного слова» пишет и А.Р. Лурия, поясняя что «слово становится центральным узлом для целой сети вызываемых им образов и «коннотативно» связанных с ним слов, которые говорящий или воспринимающий задерживает, тормозит с тем, чтобы из всей сети «коннотативных» значений выбрать нужное» [Лурия 1998: 42]. Таким образом, слово – это не только значение, зафиксированное в словаре. Слово заключает в себе целый комплекс информации, которую А.Р. Лурия назвал «семантическим полем» [Лурия 1998: 42]. И этот комплекс информации включает как лингвистические, так и культурные звенья [Трубачев 2002б: 174].

В свете вышесказанного становятся совершенно понятными утверждения М.М. Маковского о том, что «язык и слово – апофеоз человеческой культуры» [Маковский 1996а: 9], поскольку сами «...слова ... являются немymi свидетелями человеческой истории

и культуры» [Маковский 1999: 17]⁴. Все приведенные здесь рассуждения не могут не убедить в том, что «язык, как барометр, точно отражает все колебания и особенности нравов, обычаев, верований, способов мышления; в нем, как в зеркале, непосредственно отражаются различные модели «видения» мира, характерные для отдельных человеческих коллективов на протяжении их истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и формы» [Маковский 1996с: 16].

Соответственно, языковой материал, размышления над ним, а также анализ существующих в лингвистике точек зрения на эту проблему приводят к мысли о том, что культурологическая маркированность, то есть детерминированность единиц языка фактами и проявлениями культуры, присуща всем уровням структурной организации языковой личности, включая нулевой. Так, утверждение, согласно которому семантика слова неоднозначна и сложна для интерпретатора, давно признается лингвистами⁵. Наряду с тем, что находит место в словарных дефинициях, в значении слова остается нечто трудно поддающееся идентификации, а тем более описанию, что можно объяснить тем фактом, что процесс формирования значений предполагает отбор элементов, релевантность которых известна всем носителям языка [Шмидт 1978: 105].

Таким образом, в процессе своего функционирования «слово накапливает разнообразную дополнительную информацию» [Тарасова 1992а: 33]⁶. Р. Ладо называет этот элемент культурным значением [Ладо 1989: 35-36, 51], Ч. Фриз определяет его как социо-культурное значение, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров именуют его лексическим фоном [Верещагин, Костомаров 1983], О.Н. Трубочев пишет о культурной семантике [Трубочев 2002б:

⁴ Ср. сходные утверждения Ю. Ханна: «Вокабуляр – это инвентарная опись культуры (culture inventory)» [Hunn 1992: 423], В.П. Белянина: «Культура фиксируется в слове, в словосочетании, в понятии» [Белянина 2003: 153].

⁵ Ср. утверждение Р. Диксона: «Единицы в обычном языке нормально имеют достаточно широкую шкалу потенциального значения» (цит. по [Кох 1978: 150]).

⁶ Сходную точку зрения высказывает Р. Лангакер: «Все, что мы знаем о данном объекте, влияет на значение лексической единицы, служащей его обозначению» [Langacker 1994: 591].

174]. Более того, сам Ю.Н. Караулов невольно отмечает, что элементы языковой картины мира “обнаруживаются на всех уровнях языковой системы - от фонетики до текста” [Караулов 1999: 90]. О лингвокультурной закреплённости, находящей свое отражение преимущественно в лексике и синтаксисе, пишет В.А. Маслова [Маслова 2001: 121].

Весьма ценным в рамках данной дискуссии является замечание Ю.С. Степанова. Он подчеркивает, что “семантика какого бы то ни было языка - это не только типичные “пучки семантических признаков”, но и прежде всего отношения каждого “типичного пучка семантических признаков” к чему-то, находящемуся во внеязыковом мире, к какому-то объекту (отражение которого в сознании и закрепляется языком в “пучке признаков”)” [Степанов 2001а: 17]. Соответственно, национально-культурная специфика может проявляться в вариативности самих “пучков семантических признаков”, в вариативности набора признаков, составляющих данные “пучки”, и, наконец, в отношении “пучков” к окружающему миру.

Тот факт, что языковая семантика имеет национально-культурную специфику обусловлено еще одной особенностью семантики. По замечанию Ю.С. Степанова, семантика ценностна [Степанов 2001а: 15-16]. Важность данного утверждения связана с тем, что культура – это прежде всего система ценностей. Таким образом, язык как знаковая система и система, наделенная семантической информацией, содержит ценностный компонент, то есть компонент культурологического плана.

Точка зрения о культурологической маркированности всех уровней организационной структуры личности находит еще одно подтверждение со стороны выдвинутой Р. Шенком гипотезы об интегральном характере обработки естественного языка. Эта теория предполагает, что “обработка языковых данных представляет собой единый процесс и происходит параллельно на всех уровнях – синтаксическом, семантическом и прагматическом” [Герасимов, Петров 1988: 10].

Свидетельством давности и прочности традиции рассмотрения аспектов лингво-культурного взаимодействия в отечественном языкознании является труд В.В. Виноградова о языке А.С.

Пушкина. Так, в своих размышлениях о языке А.С. Пушкина В.В. Виноградов не мог не остановиться на влиянии французского языка. Название посвященной этому явлению главы звучит в духе самых современных тенденций «Русская литературная речь и «европейское мышление». Отражение французского языка в языке Пушкина».

В.В. Виноградов полагает, что «проблема французского языка равнялась проблеме «европейского мышления»» [Виноградов 2000: 259]. Вместе с присущей французскому языку той поры «строгими и стройными, размеренными традиционными стилистическими формами», для которых присущи «стилистическая организованность», «прозрачность и точность выражений, в разработанной системе отвлеченных понятий», «стройность семантической системы», «ясность и точность его прозаических стилей» [Виноградов 2000: 260-261], в русский язык проникало европейское мышление, входила новая для русского общества XIX века культура. Так, В.В. Виноградов отмечает, что «наличие в быту таких понятий и характеров, для которых в русском языке еще не создано слов, побуждает Пушкина к канонизации, к переложению на русский лад тех французских слов, которые воспитывали и внушали соответствующую область мыслей и поведения» [Виноградов 2000: 287]. Более того, В.В. Виноградов конкретно связывает семантику и синтактику с национально специфическим образом мышления. Характеризуя словесное творчество Пушкина, В.В. Виноградов констатирует: «Пушкин, называя французский язык «языком мыслей», нередко исходит из той системы группировки, дифференциации и связи значений, которая была свойственна французской семантике» [Виноградов 2000: 286]. Таким образом, в основе исследования В.В. Виноградова «лежит тезис о слове как фокусе, в котором сосредоточен социально-исторический опыт, известное культурно-историческое содержание, с одной стороны, и его языковое выражение – с другой» [Бельчиков 2004: 187].

Однако влияние французского языка касалось и «группировки и соотношения грамматических разрядов слов» [Виноградов 2000: 301], «сдвигов грамматических категорий» (к примеру, «усиливается качественное значение в прилагательных

относительных и происходит качественное преобразование форм причастий, которые сближаются теснее с категорией прилагательных» [Виноградов 2000: 305]). Синтаксис, фразообразование, а также внешняя синтагматика подверглись французскому влиянию [Виноградов 2000: 307, 313]. Все эти параметры языка связаны с формированием мысли, используются в качестве инструмента языкового сознания, формирующего мысль, а, следовательно, существуют бесспорные связи между лексикой, грамматической системой и семантикой языка и мышлением [Виноградов 2000: 348].

В силу всего вышесказанного представляется возможным предложить несколько иное толкование природы и характера взаимодействия уровней организационной структуры языковой личности. При этом культурологически маркированными, или культуросносными, оказываются единицы каждого уровня.

Вербально-грамматический уровень предпочтительно было бы именовать семантико-синтаксическим, или структурно-семантическим. Он включает три класса языковых парадигм и представлен, таким образом, единицами всех ярусов языковой системы “от фонетики до текста” (Ю.Н. Караулов). Структурно-семантический уровень предполагает существование семантических, синтаксических и прагматических парадигм. Общим признаком семантических парадигм является “отношение к онтологическому, внеязыковому классу объектов” [Степанов 1989: 89]. Понимание синтактики как отношения знаков друг к другу позволяет выделить структурообразующие возможности знаков в качестве общего признака таких парадигм. Семантические и синтаксические признаки могут выступать порой в “склеенном” виде [Степанов 1989: 91]. Кроме семантических и синтаксических парадигм структурно-семантический уровень включает и прагматические (или локационные) парадигмы. Прагматические парадигмы имеют “в качестве общего признака отношение к участнику речи” [Степанов 1989: 92]. При этом прагматические парадигмы отвечают за “ориентацию высказывания по отношению к участнику речевого акта “я”, “ты”, “он” на основе координат “я – здесь – сейчас” [Степанов 1989: 87]. Таким образом, три класса

языковых парадигм соответствуют трем функциям языка [Степанов 1989: 88-89].

Все это позволяет прийти к заключению о том, что структурно-семантический⁷ уровень – это уровень владения единицами языковой системы, на котором процессы культурологической маркированности, оформляющие действие «этносоциокультурного фактора», включающего «традиции, нормы носителей языка» [Зимняя 2001: 163], зачастую скрыты от внешнего наблюдения. Латентный характер такого рода детерминированности заключается в осуществлении выбора носителем языка лексико-грамматических средств, адекватных ситуации говорения. При этом носитель языка оперирует единицами языка бессознательно, а потому объяснение причин использования той или иной единицы представляет значительную трудность для грамматистов [Close 1994: V, 64-65]. Он не задумывается о природе и протекании явления культурологической маркированности. Он черпает это знание вместе со знанием родного языка и социо-культурного контекста. Причем язык и культура уже на этом уровне переплетены настолько тесно, что выступают как единый комплекс, как культурно-языковой код, обеспечивающий доступ к эффективной коммуникации.

Второй уровень, когнитивный, или лингвокогнитивный, предполагает определенную степень владения когнитивными механизмами языка, представленными в виде концептов, фреймов. В данном случае речь идет о владении механизмами познания действительности, имеющими фиксированное языковое выражение. Культурологическая маркированность присуща единицам этого уровня в силу того, что язык способствует последовательному закреплению в когнитивных моделях: концептах, сценариях, фреймах, схемах - определенных знаний о мире, имеющих широкое хождение в данной лингво-культурном сообществе. Соответственно, эти знания тесно переплетены со строго специфицированным социокультурным контекстом. Таким образом, когнитивный анализ языкового поведения дает

⁷ Не зря О.Н. Трубачев пишет о необходимости исследования «культурной семантики» [Трубачев 2002: 174].

возможность расшифровать модусную, или деятельностную, а также социально-психологическую составляющие культуры.

Наконец, третий уровень, прагматико-экстралингвистический (в отличие от языковой прагматической парадигмы) предполагает владение культурной базой, обеспечивающей реализацию коммуникативных потребностей личности. Иными словами, в данном случае речь идет об уровне культурности. При этом культурность понимается как “степень общественного и умственного развития, присущая кому-либо” [Ожегов: 268].

Уровень культурности включает в себя пресуппозицию, паралингвистические средства, мотивационную базу говорящего. Связь третьего уровня с культурой очевидна. Пресуппозиция понимается как общий фонд знаний говорящего и слушающего. Она включает в себя знание достижений культуры данного сообщества: реалии, прецедентные тексты, которые как “фонд национальной памяти” [Караулов 1999: 99], являются частью культурного наследия. Пресуппозиция охватывает и знание определенных требований культуры к проведению разговора, то есть “вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях” [Гак 1998: 142], к стратегическому планированию коммуникации (структурная организация дискурса). Культурность предполагает владение паралингвистическими средствами, являющимися частью обиходной культуры. Несомненный интерес представляет собой исследование культурологической обусловленности мотивационной базы говорящего субъекта – носителя языка. Представляется, что прагматико-экстралингвистический уровень можно означить как уровень культурности, или культурный менталитет. Использование данного термина позволяет избежать двойного употребления и, соответственно, амбивалентности термина “прагматика” (ср. прагматику как элемент лексико-грамматического уровня и прагматику в широком смысле слова [Караулов 1999: 95-96] как ядро прагматико-экстралингвистического уровня). По сути, анализ культурного менталитета раскрывает лингвострановедческую специфику языка, способствует декодированию поведенческого кода.

Поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [Леонтьев 2001: 117], анализ взаимодействия всех трех уровней структуры языковой личности дает четкое представление о характере связей языка и культуры на каждом уровне. Как было отмечено выше, связь языка и культуры выражается в культурологической маркированности языковых единиц, то есть в наличии культурно-языковых соответствий. Механизмом, осуществляющим культурологическую маркированность, является культурологическая компонента. Культурологическая компонента представляет собой информацию культурно-ценностного плана, заключающуюся в рамках языковой единицы и сопряженную с ее значением (см. подробно [Иванова 2002: 22-27; Иванова 2003: 22]⁸.

Необходимо подчеркнуть, что в концепции Ю.Н. Караулова языковая личность представляет собой комплексное единство инвариантной, то есть ядерной части, и изменяющейся, вариативной части [Караулов 1987: 40].

Вместе с тем, следует отметить, что концепция структуры языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым, не является единственно возможной. Лингвокультурологи представляют и другие варианты содержания языковой личности в связи с ее многообразием. Так, В.А. Маслова включает в структуру языковой личности три компонента. Первый представлен системой ценностей, или «жизненных смыслов», то есть образует иерархию духовных представлений, которые лежат в основе национального характера. Соответственно, данный компонент носит название ценностного, или мировоззренческого. Второй компонент содержания языковой личности В.А. Маслова называет культурологическим. Он связан с правилами речевого и неречевого поведения. Третий компонент личностный, и относится к индивидуальному аспекту, который характеризует человека [Маслова 2001: 119].

⁸ В силу всего вышесказанного очевидно, что культурологический анализ языковых единиц можно проводить как по ярусам языковой системы, так и по уровням организации языковой личности.

Представляется правомерным говорить еще об одном подходе к структуризации языковой личности. Так, В.И. Карасик выделяет три аспекта изучения языковой личности – ценностный, познавательный и поведенческий. Ценностный аспект покрывает этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу. Познавательный аспект конкретизируется в предметно-содержательных и категориально-формальных способах интерпретации действительности, знаниях носителя языка о мире и языке. Третий аспект, поведенческий, по определению акцентирует намеренные и ненамеренные характеристики речи и паралингвистических средств общения. Сюда относятся мотивы, цели, стратегии и способы их реализации в общении [Карасик 2002].

Таким образом, концептуальная схема языковой личности еще ждет своей дальнейшей разработки и развития. Однако нельзя не согласиться с В.А. Масловой в том, что в языковой личности отражается закрепленный в языке «базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка» [Маслова 2001: 121].

1.3. Языковая личность и этнокультурный дискурс

Изучение проблематики языковой личности непосредственно смыкается с анализом дискурса, понимаемого в самом широком смысле как «речь, присваиваемую говорящим» (Э. Бенвенист), как связную речь в англо-американской лингвистической традиции [Чернявская 2003: 68-69]. Такая постановка вопроса характеризует многие исследования (см. [Карасик 2003: 24; Салмина 2001; Сорокин 2003: 16; Rathmayr 1997: 181]), и истоки ее вполне очевидны. С одной стороны, языковая личность предполагает определенное абстрагирование от конкретного носителя языка, она начинается по ту сторону обыденного языка [Караулов 1987: 36]. С другой стороны, и сам дискурс, в котором функционирует языковая личность, дает возможность соединить лингвистические и экстралингвистические

факторы, ибо он является сложным построением, составляющими которого, кроме текста, являются экстралингвистические обстоятельства, то есть знания о мире, знание мнений, установок и конкретных целей говорящего [Лучинская 2002: 27]. Другими словами, двойственность дискурса связана с его природой как многоуровневого образования вербального и невербального характера, построенного по определенным правилам, выраженным и скрытым, определяющего и выражающего те или иные действия, проявляющегося в форме культуры и участвующего в создании этой культуры [Wodak 1996: 17].

Таким образом, дискурс предполагает изучение языка в действии [McHoul 1994: 940; Nunan 1993: 7], он понимается как социальная практика использования языка [Лучинская 2002: 27; Van Dijk 1998; Wodak 1995, 1996]. Это текст в контексте [Wodak 1996]. Дискуртологи отмечают, что «дискурс отсылает к набору норм, предпочтений и ожиданий, относящих язык к контексту, которым пользуются носители языка и модифицируют порождение смысла, исходя из языка и контекста»⁹ [International Encyclopedia of Linguistics 1992: 358], то есть дискурсивная деятельность увязывает в одно целое взаимодействующие факторы языка и культуры [Алефиренко 2002; Цурикова 2002].

Дискурсивные исследования покрывают широкий диапазон лингвистических штудий. Как отмечает М.Л. Макаров, выделяются определенные направления дискурсивного анализа – от широкого, предполагающего интегральную сферу изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социокультурной обусловленности, до узкого, как наименования традиций анализа Бирмингемской исследовательской группы. Кроме того, дискурс-анализ может заниматься грамматикой дискурса [Макаров 2003]. В.И. Карасик выделяет два подхода к анализу дискурса: социолингвистический и прагмалингвистический. Социолингвистический подход основан на противопоставлении лично-ориентированного и статусно-ориентированного типов дискурса. Прагмалингвистический подход направлен на освещение признаков способа и канала общения [Карасик 2002]. К последним двум исследователи добавляют

⁹ Перевод наш – И.С.В.

когнитивный анализ дискурса. Когнитивные исследования дискурса связаны с моделированием когнитивных процессов порождения, восприятия, репрезентации знаний, виды представленной в структурах знания информации [Александрова 2002; Цурикова 2002]. Не предполагая дать полную классификацию такого рода исследованиям, хотелось бы отметить, что в общем и целом изучение дискурса означает изучение языка в употреблении, в его использовании, а это неизбежно ведет к внимательному прочтению национально-культурных маркеров, находящим ту или иную манифестацию в языковых формах.

Этно-культурная специфика, связанная с дискурсивным ракурсом исследования, предполагает особое внимание к прагматическим факторам, поскольку, по утверждению Д. Шиффрин, дискурс стыкуется с контекстом, коммуникацией и значением через прагматику [Shiffrin 1994: 190].

Исследователи дискурса подчеркивают, что в результате естественного развития «дискурсивный анализ вырос в дисциплину широкого диапазона и различной природы, которая находит свое единство в описании языка над уровнем предложения и в интересе к контексту и влиянию культуры, которая воздействует на язык в употреблении»¹⁰ [McCarthy 1996: 7]. Так, американский дискурсивный анализ в основном проводился в этнометодологической традиции, которая акцентирует исследовательский метод близкого наблюдения групп людей, общающихся в естественных условиях. В американскую традицию можно также включить разговорный анализ. Однако в последнем в фокусе внимания оказываются не структурные модели, а наблюдение над поведением участников разговора и паттерны, которые повторяются на большом массиве естественного материала [McCarthy 1996: 6].

Таким образом, исходя из трактовки дискурса как формы общественной практики, фактора, конституирующего общество и конституируемого им [Wodak 1996: 18], представляется возможным и обоснованным понимание дискурса, в том числе, и как

¹⁰ Перевод наш – И.С.В.

культурного (т.е. и этнического)¹¹ контекста. Исследователи отмечают, что «на дискурсивном уровне информация как бы «пропускается» через своеобразный социокультурный «фильтр», представляющий собой сложную «амальгаму» национальных традиций, культурных особенностей поведения, религий, устоев и норм» [Фесенко 2002: 150].

Вполне логичным в этом свете представляется вывод лингвистов, лингвокультурологов, постулирующих существование национальных моделей дискурса [Декленко 2004: 7-8; Здравомыслов 2001: 34]. При этом наряду с узкой трактовкой последнего предлагается и широкое видение данного явления. Так, в узком смысле национальный дискурс понимается как часть политического дискурса с набором базовых категорий типа «нация», «этнос», «суверенитет», «национализм», «патриотизм» и т. п. [Здравомыслов 2001: 34]. Расширительно национальный дискурс толкуется как совокупность текстов определенного лингвокультурного сообщества и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания этих текстов [Декленко 2004: 7]. Совершенно справедливым было бы назвать национальный дискурс этно-культурным дискурсом, исходя из определения нации как политического союза, характеризующегося общностью культуры [Бицилли 1994: 148].

Соответственно, изучение дискурса той или иной лингвокультурной общности способствует уточнению соответствующего национального характера¹². По точному замечанию Ю.Н. Караулова, «как язык, вернее общность языка, составляет неотъемлемый признак этноса, так и инвариантная составляющая языковой личности есть часть национального характера» [Караулов 1987:50-51]. Национальный характер предполагает «устойчивый комплекс специфических для данной культуры ценностей, установок, поведенческих норм» [Ощепкова 2004: 286], то, что К.

¹¹ Данное понимание взаимоотношения культурного и этнического можно найти в исследованиях Г.М. Андреевой по социальной психологии [Андреева 2003: 161].

¹² Ю.А. Сорокин, предлагая термин *социолингвопсихо(менто)рельеф*, по существу, расшифровывает его в терминологических понятиях, имеющих хождение в рамках современной лингвистики [Сорокин 2003: 16].

Касьянова образно определила как «общество внутри нас» [Касьянова 2003: 28].

При этом необходимо отметить, что национальный характер является наиболее распространенным, хотя и не лишенным различий при интерпретации, по замечанию лингвистов, этнопсихологов и социологов [Андреева 2003: 160; Павловская 2004: 108; Стефаненко 2000: 136], термином для обозначения и описания «психического склада этнической (национальной) группы» [Андреева 2003: 160], или того, что М. Горький в свойственной ему образной манере назвал «прирожденными особенностями народа» [Горький 1955: 110]. Т.Г. Стефаненко отмечает, что в качестве синонима к понятию национальный характер используется термин «ментальность» [Стефаненко 2000: 140-141]. Однако ученые подчеркивают, что национальный характер, или менталитет (ментальность)¹³ предполагает не столько некий фиксированный набор черт, сколько выраженность той или иной черты, специфику ее проявления [Андреева 2003: 161; Касьянова 2003: 32-33; Ольшанский 1994: 104; Ощепкова 2004: 286].

Чрезвычайно важным при описании национального характера является изучение языка с целью выявления идиоэтнических особенностей, связанных с языковой формой. Понимание особой роли такого рода лингвистических исследований находит естественное отражение в работах по этнопсихологии и этнологии. Социальные психологи подчеркивают, что «в исследованиях национального характера, кроме изучения обычаев и традиций, особую роль играет анализ языка, поскольку передача черт национального характера, несмотря на изменчивость социальной среды, объясняется тем, что возникает определенная инерция, обеспечиваемая путем межпоколенной передачи опыта» [Андреева 2003: 161]. Именно благодаря этой

¹³ Наряду с синонимичным употреблением перечисленных терминов можно встретить и дифференцирующие данные сущности трактовки (см. [Катречко 1994: 76]), оставляющие за национальным характером эмоционально-психологическую сферу, связывающие менталитет с когнитивной деятельностью [Попова, Стернин 2002:10-11], «национальным умом» [Гачев 1998: 6] и отводящие ментальности интерпретационную роль в мирозерцании [Почепцов 1990].

инерции национальный характер приобретает статус национальной константы [Павловская 2004: 112]. Создаваемый таким образом этнокультурный континуум, представленный в синхронном плане как достаточно стабильный этнокультурный контекст, и служит дискурсом той или иной лингво-культурной общности.

Подобное понимание дискурса, хотя, к сожалению, и не вербализованное, вытекает из всего хода изложения исследования по проблемам межкультурной коммуникации Р. и С.В. Сколлонов. Согласно выводам данных ученых, система дискурса замыкает говорящего в черте идентифицирующего его языка и облегчает коммуникацию с подобными языковыми личностями [Scollon & Scollon 1995: XI].

Исследователи национального характера подчеркивают, что при описании последнего необходимо неукоснительное соблюдение двух принципов для того, чтобы избежать этноцентризма. Во-первых, нельзя допускать абсолютизации, упрощения и категоричности, приписывая то или иное качество тому или иному народу. А, во-вторых, необходимо воздержаться от оценивания различных проявлений национального характера посредством категорий «хорошо» / «плохо». Исследователь должен помнить, что при описании национального характера есть «разное», не отмеченное знаками + или – [Павловская 2004: 116-117].

Таким образом, исследование по проблеме языковой личности может проводиться в рамках анализа дискурса как этнокультурного континуума, характеризующегося набором определенных маркеров, которые, в свою очередь, оказывают влияние на формирование и проявления человека говорящего. При этом этно-культурный, или национальный, дискурс выполняет роль системы, в которую помещена языковая личность. Соответственно, языковая личность является проекцией всего того, что составляет саму систему. Более того, личность вынуждена выполнять требования системы для того, чтобы не быть ею отторгнутой [Бодалев 2002: 64-65]. Таким образом, система дискурса продуцирует и формирует то, что ее составляет.

1.4. Языковая личность и языковое сознание

Исследователи отмечают, что индивид, то есть языковая личность может рассматриваться как когнитивная система, осуществляющая постоянный процесс познания [Фесенко 2002: 60], как носитель языкового сознания. В связи с этим проблематика языковой личности может получить освещение в рамках рассмотрения вопросов, относящихся к сфере языкового сознания.

Будучи частью сознания, понимаемого как «совокупность чувственных и умственных образов» [ФЭС 2000: 423], языковое сознание относится к глубинным структурам человеческого мышления. Совершенно естественно, что эти глубинные структуры скрыты от непосредственного наблюдения и потому представляют собой большую трудность при изучении¹⁴. Как отмечает Х. Ортега-и-Гассет, «труднее всего познать, почувствовать, описать и определить именно этот всеобщий, неуничтожимый и вездесущий феномен – сознание. Все остальное дано и воспринято лишь благодаря ему. <...> оно входит во все – входит неотторжимо, незыблемо и непременно» [Ортега-и-Гассет 2003: 231].

Однако, несмотря на указанную сложность, введение термина “языковое сознание”, или “сознание”, чрезвычайно важно для лингвокультурологии, поскольку позволяет, оставив за мышлением сферу логических задач, свободную от лингвокультурной специфики, выделить сферу национальной детерминированности и культурной маркированности мыслительных процессов. Дело в том, что психолингвисты выступают с гипотезой о существовании различных типов сознания, коррелирующих с типом культуры. Так, Ю.А. Сорокин выделяет ориентальный и европейский типы сознания и строит параллели между типом культуры, сознанием и способом формирования и формулирования мысли (цит. по [Зимняя 2001: 163-164]).

¹⁴ О «трудности» категории сознания и ее связи с языком писал еще в 40-е годы XX века А.Н. Леонтьев [Леонтьев 2004: 13].

Языковое сознание есть совокупность образов, представлений, мыслительных структур [Красных 1998: 21-23], получивших языковое оформление вследствие протекания процессов «социального познания» (термин Леви-Брюля), то есть языковое сознание как категория абстрактная имеет материального носителя, в качестве которого выступает личность говорящего, то есть языковая личность. Личность же существует в мире ценностей и моральных ориентиров, заданных обществом [Орлова 2004: 231]. Соответственно, ценностные аспекты и общественно закрепленные практики, что и составляет существо культуры [Хейзинга 2001: 86], привносятся личностью в процесс познания и говорения, воздействуют на мышление. Как только сознание облекается в плоть личности и перед сознанием познающего встает необходимость решения различных задач, в ход идут результаты вербализованных и невербализованных практик. В этом плане познающий субъект будет прежде всего заключен в круг своего языка, что в образной форме отразил Л. Витгенштейн, заметив: «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 1994: 56] (цит. по [Гудков 1999м: 13]).

Таким образом, языковое сознание видится тем центром, который управляет процессами порождения высказывания и напрямую связано как с коммуникативной, так и с языковой компетенцией. В связи с этим термин «языковое сознание» активно вводится лингвистами в практику исследований [Блинова 1989: 122; Верещагин, Костомаров 1983: 58; Гудков 1999: 10-21; Захаренко 1999; Красных 1998: 21-23; Кубрякова 1997: 120, 180; Никитина 1989: 334; Пфандль 2000: 360; Рахилина 2000: 338; Успенский 1994: 32; Халеева 1989: 68].

Соответственно, проблематика языковой личности находится в теснейшей связи с вопросами языкового сознания и безоговорочно может сводиться к последнему при условии, что во главу угла поставлена цель исследования закономерностей познания говорящего субъекта, процессы концептуализации и категоризации, то есть особенности отражения фактов окружающей действительности в сознании и дальнейшей вербализации результатов этого отражения.

В результате отражения внешнего мира в сознании личности формируются различные познавательные модели, или модели сознания (термин О.Л. Каменской [Каменская 1990: 24]). К таковым относятся концепт, фрейм, сценарий, которые каждый по-своему организуют структуру признаков познаваемых объектов. Эти ментальные структуры закрепляют прошлый опыт человека, представляя собой «схематическую типизацию тех или иных стереотипов поведения или целенаправленных процедур» [Каменская 1990: 28]. Когнитивная лингвистика с ее аппаратом способна раскрыть особенности языкового сознания, поскольку сферу когнитивной лингвистики составляет то, «каким образом процесс познания, тип и форматы знаний оказываются опосредованными и закрепленными языковыми средствами, а также как языковые средства отражают познаваемую действительность» [Иванова 2004: 72].

1.5. Языковая личность как объект лингвистических исследований

Языковая личность представляет собой многогранный объект лингвистических исследований, которые могут быть проведены с различных позиций и с приоритетом самых различных доминант. В.И. Карасик подчеркивает, что, будучи многогранным образованием, языковая личность может получить разнообразное освещение в зависимости от подхода к предмету изучения. В центр внимания исследователей могут попасть как личностные (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), так и языковые (типы речевой культуры, языковой нормы) аспекты [Карасик 2003: 43].

Весомым вкладом в разработку проблем диахронического описания языковой личности являются работы Т.И. Вендиной, сосредоточившей свое внимание на портрете средневекового человека [Вендина 2002а, 2002б]. К этой же группе работ примыкают исследования В.В. Колесова, раскрывающие специфику русского самосознания на примере диахронического описания русской личности. Это достигается за счет описания изменений

содержательных смыслов слов, отражающих в сознании средневекового человека общественную среду его обитания [Колесов 2000].

Синхроническое описание языковой личности с приоритетом ее социальных параметров можно обнаружить в целом ряде работ В.И. Карасика, О.А. Леонтович [Карасик 2002; Леонтович 2002]. Определяя культурную идентичность как «символ самосознания, который включает образ мира, систему ценностей и менталитет той группы, которой принадлежит индивид» [Леонтович 2002: 174], О.А. Леонтович выделяет три показателя идентичности - физиологический (внешность, голос, физическое состояние), социальный (принадлежность к определенной группе) и психологический (национальный характер). Кроме того, предлагаются различные социальные характеристики идентичности – гендерная, возрастная, расовая, этническая, географическая, классовая, имущественная, статусная. Как явствует, данные классификации подчеркивают и базируются, прежде всего, на социальных параметрах языковой личности.

В качестве одного из подходов к изучению языковой личности предлагается «выделение релевантных признаков модельной личности, т. е. типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Романова 2003: 55]. В качестве примеров фигурируют личности русского интеллигента, английского аристократа, немецкого офицера. Вместе с тем данный список открыт для пополнения.

Таким образом, современная исследовательская практика ставит самые разнообразные вопросы, касающиеся описания особенностей функционирования языковой личности. Все это в конечном итоге должно наполнить обновленным содержанием наши знания о языке и языковых сущностях, поскольку «языковая личность – это та сквозная идея, которая ... пронизывает ее аспекты изучения языка» [Караулов 1987: 3].

ВЫВОДЫ

Понимание важной конструктивной роли языка в осознании и моделировании ситуаций социального взаимодействия, его первостепенной значимости в кодификации и трансляции культуры [Орлова 2004: 203] определило мощный всплеск исследований в области лингво-культурного взаимодействия. Естественным следствием широты самого предмета исследования становится широкая амплитуда лингвокультурологических изысканий, направленных на поиск «кристаллизаций культуры» (выражение М.К. Мамардашвили [Мамардашвили 2002: 104]) в языке. В поле исследовательского интереса лингвокультурологов попадают различные аспекты взаимодействия языка и культуры.

Объединяющим началом, методологической базой работ, проводимых в указанном русле, является признание неразрывной связи языка, культуры и личности. При этом для лингвокультуролога личность фигурирует как языконоситель, который совмещает в себе знание языка как системы, представлений, хранящихся в тезаурусной форме, а также прагматикона, предполагающего речеведческий/речеповеденческий аспект.

Личность может быть представлена как квинтэссенция этнокультурного/национального дискурса, реализующего этнокультурный контекст, то есть совокупность национально и культурно детерминированных доминант, сопряженных с национальным характером и/или менталитетом и «опредмечивающих» его.

Личность может быть реализована как языковое сознание. В этом случае в фокусе исследователя оказываются когниция, то есть процессы и результаты познания, отмеченные универсальными чертами и национально-культурной спецификой. Таким образом, индивид рассматривается как своеобразная когнитивная система.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что рассмотрение проблематики языковой личности потенциально широко и позволяет исследователю выходить на такие рубежи анализа и вытекающего из него знания, которые заданы целями и

задачами задуманного исследования. Это связано с многомерностью, многофактурностью самого явления «языковая личность» и с уровнем развития гуманитарного знания в его различных областях. Вместе с тем проблематика языковой личности ограничена и центрирована на языковой составляющей, что позволяет данным работам находиться в сфере лингвистического знания и быть отнесенным к области лингвокультурологии.

ВОПРОСЫ

1. Каковы теоретико-методологические предпосылки возникновения лингвокультурологии как нового направления лингвистических исследований?
2. Что является объектом лингвокультурологического анализа?
3. Что является целью лингвокультурологического анализа?
4. Что понимается под языковой личностью?
5. Какие подходы предлагают современные исследователи для изучения структуры языковой личности?
6. Какова структура языковой личности? Что и какие факторы учитываются при структуризации языковой личности?
7. Каковы смежные области исследования проблематики языковой личности?
8. Что входит в сферу дискурсивного анализа?
9. Что следует понимать под языковым сознанием?
10. Какие модели сознания предлагают лингвисты в рамках новых направлений лингвистических исследований?
11. Как соотносятся понятия языковая личность, дискурс и языковое сознание?

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. – М., 1983.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997.
3. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
4. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003.
5. *Иванова С.В.* Культурологический аспект языковых единиц. – Уфа, 2002.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
7. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
8. *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
9. *Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие для вузов. – М. : Академический Проект, 2004.
10. *Ощепкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004.
11. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1992.
12. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.
13. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.
14. *Whorf B.* Language, Thought, and Reality. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956.

Раздел 2. КУЛЬТУРНОСТЬ КАК ПРАГМАТИКО-ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЛИНГВО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

2.1. Составляющие прагматико-экстралингвистического уровня

Прагматико-экстралингвистический уровень подразумевает широкую область экстралингвистических факторов, которые обеспечивают коммуникацию и находятся с ней в неразрывном единстве. Этот уровень отражает культурный ценз носителя языка, то, что иными словами можно обозначить как культуру. Осуществление успешной коммуникации предполагает построение дискурса, отвечающего системным требованиям культуры. Культура трактуется как грамотное владение следующими аспектами: информационной базой, паралингвистическими средствами и мотивационной базой говорящего. Информационная база толкуется как единое коммуникативное пространство, необходимое для проведения успешной коммуникации. Эта единая информационная база включает в себя знания окружающего мира, характеризующие единую лингво-культурную общность, и обиходные требования к осуществлению коммуникации, типичные для данного национально-культурного сообщества, то есть то, что часто получает именование речевого поведения. Включение мотивационной базы говорящего в экстралингвистический уровень продиктовано двумя соображениями. С одной стороны, мотивация принадлежит превербальному этапу коммуникации, она стимулирует речевую деятельность. С другой стороны, мотивационная база является неотъемлемой частью коммуникации: мотивационно-побудительный этап встроен в схему порождения речевого высказывания [Гез 1982: 245]. И то, и другое положение нашло отражение в определении речевой деятельности Е.С. Кубряковой, считающей, что речевая деятельность представляет собой «такую совокупность речевых действий и речевых операций со стороны говорящего, создающего речь (речевой акт), и

слушающего ее воспринимающего, которая вызывается определенными потребностями, ставит перед собой определенную цель и совершается в конкретных условиях» [Кубрякова 1986: 10]. Сочетание потребности и целеполагания высказывания создает мотивационную базу. Мотивационная база обеспечивает речевую деятельность мотивом. Необходимо отметить, что правила речевого поведения формулируются не в жестких терминах, а носят рекомендательный, предпочтительный характер и проявляются в языке на уровне тенденции [Гак 1998: 142]. В этом кроется источник трудностей исследований такого рода. Сложность состоит в отборе релевантных характеристик и в определении самой тенденции. С другой стороны, есть риск сделать скоропалительные выводы, свести многозначность к однозначности, принять индивидуальное за социальное, чем порою грешат работы о национальном характере, национальном менталитете и коммуникативном поведении. Набор аспектов, составляющих культурность, суггестируют ее национальную специфику в силу явной культурологической отмеченности каждого из перечисленных компонентов.

2.2. Информационная база как показатель культурности

2.2.1. Составляющие информационной базы

Коммуникация с лингвистической точки зрения понимается как обмен мыслями, идеями, информацией посредством языка [Колшанский 1984; ЛЭС: 233]. Коммуникация предполагает взаимодействие людей, а потому имеет двусторонний характер. Двусторонний характер коммуникации, обуславливающий одинаковую важность как продукции, так и перцепции, опосредующей процесс восприятия речи [Красных 2001: 169], делает естественным вывод о том, что пользование языком в качестве единого кода предполагает наличие у коммуникантов общего фонда знаний, обеспечивающих понимание.

Понимание того факта, что представители одной лингвокультурной общности связаны единым коммуникативным

пространством [Леонтьев 1988: 115], а их сознание характеризуется наличием “базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности)” [Прохоров 1997: 14], или национально обусловленной системой символов, ассоциаций, информации [Hirsh 1988], давно нашло отражение в исследованиях по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (см. также [Караулов 1987; Лихачев 1993]). Вместе с тем в данный момент интерес представляет конкретная форма существования и организации этой “инвариантной части в структуре языковой личности” [Караулов 1987: 38]. Для этой цели в исследования по межкультурной коммуникации [Гудков 1999м, 2000; Красных 1998, 2001, 2002] вводятся термины “культурное пространство”, “когнитивное пространство” и “когнитивная база”. Под культурным пространством предлагается понимать “форму существования культуры в человеческом сознании” [Гудков 2000: 41]. В этом пространстве выделяются центр и периферия. Центр национально-культурного пространства образован феноменами, которые являются достоянием практически всех членов национально-культурного сообщества [Гудков 2000]. “Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого национально-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений. Мы называем такую совокупность индивидуальным когнитивным пространством. При этом существует некая совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального, генерационного и т.д.), которую мы определяем как коллективное, когнитивное пространство. Определенным же образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества определяется нами как когнитивная база” [Гудков 2000: 42]. В отличие от культурного пространства когнитивная база, в представлении Д.Б. Гудкова, формируется при помощи

инвариантов представлений о тех или иных феноменах. И эти инварианты хранятся в когнитивной базе в минимизированном, редуцированном виде [Гудков 2000: 42]. С точки зрения Д.Б. Гудкова, “именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу и имеющими надличностный инвариантный характер, позволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам” [Гудков 2000: 43].

Разделяя суть данных воззрений по определению и дифференциации названных феноменов, хотелось бы внести некоторые изменения терминологического характера, связанные с логикой анализа, ходом и порядком аргументации настоящего исследования. Речь идет о термине “когнитивный”, употребление которого, как представляется, непроизвольно вносит ассоциации с когнитивной деятельностью и когнитивным уровнем языковой личности (чему была посвящена третья глава настоящего исследования). Использование термина “когнитивная база” в столь широком смысле, безусловно, возможно. Однако в таком случае теряется и в конечном итоге исчезает грань между когнитивной деятельностью как таковой, деятельностью, направленной на познание окружающей действительности и спецификой когнитивного уровня организации представлений, оформленных в виде когнитивного уровня языковой личности. Термин “когнитивный”, в нашем представлении, прежде всего покрывает явления, связанные с категоризацией, концептуализацией, классификацией объектов, то есть процессов, опосредующих познавательную деятельность и составляющих суть когнитивного уровня языковой личности. В силу принадлежности термина “когнитивный” совершенно иной области языковых знаний, считаем нецелесообразным использовать его для описания лингвистических явлений, связанных с познанием в широком смысле.

Представляется рациональным присвоить когнитивной базе в понимании Д.Б. Гудкова наименование “единая информационная база”. При этом опорным становится утверждение А.А. Леонтьева, который толкует коммуникативную общность как “сходный информационный уровень собеседников, сходный опыт общения в

прошлом, опора на общеизвестные сведения» [Леонтьев 1988: 115]. Единая информационная база характеризуется как надличностная, информационная структура, которая позволяет индивиду функционировать в соответствии с законами данного лингвокультурного сообщества. Синонимично единой информационной базе предлагается использовать термин “фонд знаний”.

Следующим шагом должно быть определение структуры единой информационной базы. В этом плане рационально использовать общепризнанную в когнитивной лингвистике структуру общей базы знаний носителей языка. Последняя включает: “1) языковые знания: а) знание языка <...>; б) знание принципов речевого общения; 2) внеязыковые знания: а) о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание представленных адресатов целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.д.); общефондовые знания (то есть знания о мире)» [Герасимов, Петров 1988: 7] (ср. также [Беллерг 1978: 173; Фаенова 1991: 7-8]). Лингвокультурологический ракурс данного исследования требует выделить из общей базы знаний те, которые отмечены культурологической компонентой и имеют отношение к прагматико-экстралингвистическому уровню, или уровню культурности. В этом смысле представляется, что единая информационная база, или общий фонд знаний, включает: (1) знание языка в прагматическом аспекте; знание принципов речевого общения; (2) знания об окружающем мире, включая знания о совокупности ситуаций речевого общения.

Задача грамотного и успешного осуществления коммуникации, а также необходимость локализации культурологической компоненты прагматико-экстралингвистического уровня требует более подробного освещения обеих групп, составляющих общий фонд знаний, или единую информационную базу.

Первую группу, предполагающую знание языка и знание принципов речевого общения, в силу оперирования термином “язык”, представляется возможным назвать лингвистической. Второй группе, группе знаний «культурного фонда» в терминологии Ю.Е. Прохорова [Прохоров 1997: 14],

предполагающей необходимость знаний об окружающем мире, то есть того, что находится за гранью непосредственно языка, можно присвоить наименование экстралингвистических знаний.

Лингвистические знания, необходимые для построения сообщения и осуществления коммуникации, кроме конкретных языковых форм, включают “(1) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; (2) общие тенденции (константы) языкового поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речеведения” [Гак 1998: 142]. Вербальный аспект лингвистических знаний проявляется в практическом уровне владения нормами устного и письменного языка, навыками их ситуативного варьирования, умелом пользовании выразительными средствами языка. Практическое владение нормативной речью, который составляет один из аспектов культуры речи [Львов 2002: 65], предполагает выполнение требований к произносительной, лексико-грамматической и структурной составляющим высказывания. Произносительная, лексико-грамматическая и структурная составляющие высказывания представляют собой вербальный аспект лингвистических знаний.

Вербальный аспект лингвистических знаний коррелирует и обусловлен невербальным аспектом. Речь в данном случае идет о константах языкового поведения и принципах речеведения. И первое, и второе складываются в единое целое и оставляют систему дискурса, то есть систему осуществления коммуникации, принятую в данном лингво-культурном сообществе. Система дискурса – это общее понятие, некий конструкт дискурса, который на практике реализуется в виде моделей дискурса. Таким образом, модель дискурса толкуется как конкретное проявление определенной системы с поправкой на способ построения. Способ построения предопределяет форму дискурса и зависит от принятых в обществе концепции личности и межличностных отношений. Кроме того, модель дискурса окрашивается дополнительной конкретикой в результате выбора типа дискурса, то есть разновидности дискурса в зависимости от социокультурных параметров общающихся. И,

наконец, модель дискурса испытывает влияние модусного фактора, обусловленного официальным или неофициальным стилем общения. Взаимодействие системы и модели дискурса отражено на рис. 1.

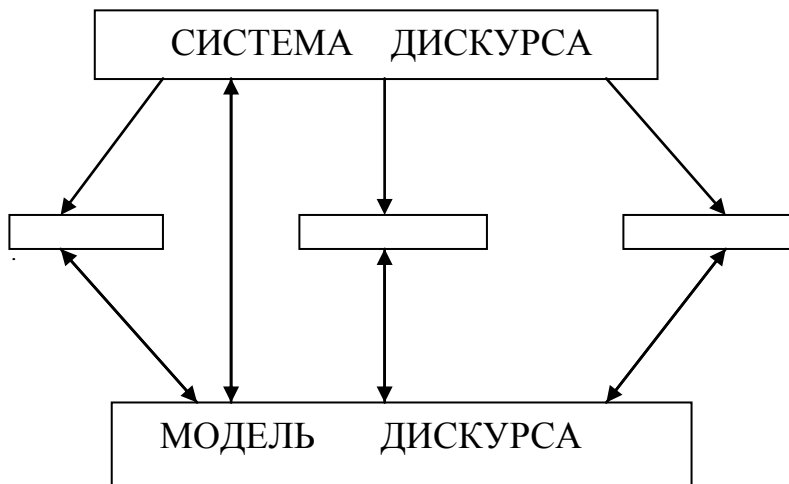

Рис. 1. Взаимодействие системы и модели дискурса.

Экстралингвистическая составляющая общего фонда знаний также представляет собой образование, состоящее из нескольких уровней вербального и невербального характера. Вербальный аспект общего фонда знаний включает оперирование единицами, относящимися к описанию антропосферы, то есть единицами непосредственно культурологического порядка. Это так называемые фоновые знания, обуславливающие свободное владение именами, фактами, высказываниями, прецедентными текстами и т.п., имеющими широкое хождение в данной лингвокультурной общности. Вербальный характер этой части общего фонда знаний обусловлен использованием совершенно конкретных языковых единиц. Невербальная составляющая общего фонда знаний складывается из знания истории, философских взглядов,

лежащих в основе общественного уклада лингво-культурного сообщества. Иными словами, речь идет о национальной идее, имеющей свое проявление в ценностях, религиозных установках и убеждениях данного этносоциума. Отсюда вытекает следующая составляющая невербального компонента экстралингвистических знаний – концепций личности и межличностных отношений, влияющих на форму и в конечном итоге модель дискурса, что отражается в общем виде в системе дискурса.

Для того чтобы установить локализованность культурологической компоненты, необходимо подробно остановиться на составляющих единой информационной базы, или общего фонда знаний.

2.2.2. Лингвокультурологический аспект фоновых знаний

Культурологический заряд общего фонда знаний прежде всего обусловлен и предопределен маркированностью экстралингвистической составляющей. Ярко и наглядно культурологическая компонента выступает, реализуясь вербально в виде вербального упоминания имен, типичных высказываний, текстов, относящихся к культуросфере данного этносоциума. Вербальный аспект общего фонда знаний, получивший выше именование фоновых знаний, характеризуется прецедентностью. Прецедентность является важнейшей характеристикой фоновых знаний и позволяет рассматривать фоновые знания в лингвокультурологическом ключе как объединяющие этносоциум и характерные для него. Необходимо оговориться, что термин «фоновые знания» имеет различную интерпретацию в лингвистике. Он предполагает совокупность двух элементов: знание и понимание непосредственной ситуации общения (то, что можно назвать "ситуативной конкретикой", несколько изменив термин И.Н. Горелова [ЛЭС: 233]) и, кроме того, владение более широкой информацией о мире, что обусловлено принадлежностью индивида к данной национально-культурной традиции. Знания, относящиеся к пониманию ситуативной конкретики, можно назвать фоновыми

знаниями в узком смысле слова. Второй из обозначенных здесь элементов предполагает владение культурно-языковым кодом (при этом культурно-языковой код предполагает сращение аспектов языка и культуры, свойственное для данной национально-языковой общности). Выделение фоновых знаний этой природы является следствием широкого подхода к изучаемому явлению.

Такое двоякое (расширительное и узкое) понимание фоновых знаний отнюдь не противоречит уже сложившемуся в лингвистике пониманию данного феномена. Несмотря на имеющиеся место расхождения в терминологии (см. “вертикальный контекст” О.С. Ахмановой [Ахманова, Гюбенетт 1977], “пресуппозиция” В.А. Звегинцева [Звегинцев 2001: 213-309], “тезаурус” Г.В. Колшанского [Колшанский 1980]), к определяющим свойствам фоновых знаний относится то, что они (1) характеризуются невербализованностью [Шабес 1989; Горелов 1980]: это невербальная составляющая процесса коммуникации, (2) обоюдное знание этого невербального компонента коммуникации обуславливает успешность процесса коммуникации [Ахманова 1969: 498; КСЛТ 2003: 162; Шабес 1989: 7] и (3) касается знаний культуры, истории, географии, прагматики [Ахманова, Гюбенетт 1977: 47-49].

Принимая во внимание тот факт, что фоновые знания в широком смысле слова объединяют всех носителей одного и того же культурно-языкового кода, необходимо задаться целью выявить культурологический компонент фоновых знаний, то есть из всего объема фоновых знаний выделить те, которые отмечены наличием культурологической компоненты. В этом смысле интерес представляет: (1) природа культурологической компоненты: какие объекты реальной действительности послужили ее источником, (2) языковое выражение культурологической компоненты: единицы какого уровня языковой иерархии служат передаче культурологической информации, (3) характер данного типа фоновых знаний. Задачей исследования культурологического плана может стать выявление тех разновидностей культурологически маркированных фоновых знаний, которые являются наиболее частотными в коммуникации.

Наиболее ярко культурологическая компонента проявляется при упоминании реалий. Реалии - это названия материальных

объектов, явлений, понятий, имеющих прямую связь с историческим периодом времени [Томахин 1988: 11]. Так, к реалиям относят: (1) географические названия, имеющие культурные и исторические ассоциации (топонимы), (2) имена известных людей (антропонимы), (3) названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события жизни страны, названия государственных и частных заведений и т.п., (4) географические термины, обозначающие специфические черты географического положения, фауны и флоры, (5) некоторые слова (включая широко известные термины), относящиеся к государственной, политической системе страны, юриспруденции, искусству, системе образования, производства [Томахин 1988: 8].

E.g. Affairs of State are now conducted without tears. To us it is strange to hear that Cromwell and his council spent eight hours sobbing and crying before they signed the King's death-warrant. In our House of Commons there is sometimes excitement; and though a Lobby correspondent recorded that on one occasion Mr. Asquith's voice "broke like the string of a Stradivarius under the bow of a maestro", who would believe that an event similar to Lord John Russell's withdrawal, during the Crimean war, of his second Reform Bill (say Mr. Lloyd George's withdrawal of the Insurance Bill, to which he is so personally pledged) could evoke such a scene as this? "I know", wrote an M.P. in 1854, describing it, "that the unbidden tears gushed to my cheeks, and looking round I see scores of other careless, worldly men struck by the same emotion – and even the Speaker (as he subsequently admitted to me) was affected in precisely the same manner. The face of Disraeli was, of course, as immovable as usual, but Mr. Walpole wept outright". And when poor Mr. Walpole cried some years later because the mob had torn up the railings of Hyde Park, he was dubbed "weeping" Walpole, and there were jokes in Punch about "tears, idle tears!" Yes, time is against tears.

"If you have tears, prepare to shed them now", for though it is not a good moment, it is the best you will get (MacCarthy).

Данный микротекст изобилует ссылками на реалии топонимического (*Hyde Park*), антропонимического (*Cromwell, Asquith, Lloyd George, Lord John Russell, Disraeli, Walpole*), исторического (*his <Cromwell's> council, King's death-warrant, the*

Crimean war), государственно-политического (*M.P., Reform Bill, Insurance Bill, the Speaker, Lobby, the House of Commons, Punch*), литературно-художественного (цитаты из Теннисона и Шекспира) планов. Соответственно, источником культурологической компоненты данных лексических единиц служит сама реальная действительность, тесно связанная с данным национально-культурным ареалом, под которым понимается сфера действия данной культуры и распространенности ее фактов. Культурологический фон этноцентрического порядка, создаваемый за счет упоминания или использования реалий, является неотъемлемым элементом дискурса.

Источником культурологической компоненты могут служить вербализованные знания об окружающем мире, имеющие широкое распространение в данной культурно-языковой общности. Ярким и часто цитируемым примером этого порядка может служить рассказ Э. Хемингуэя "Day's wait", где главный герой рассказа не знал особенностей шкалы Фаренгейта и, соответственно, неправильно интерпретировал все происходящее. Знания об особенностях бытового уклада культурно-языковой общности являются определяющими для понимания следующего высказывания: *They agreed in nothing but their perfect neatness, their display of the whitest linen, and their storing-up, wheresoever the existence of a drawer, small or large, rendered it possible, of quantities of rose-leaves and sweet lavender* (Dickens, 75). Комментарии к книге (Dickens, 909) содержат указание на то, что розовые лепестки и лаванда, упоминаемые в тексте, клались хозяйками в бельевые комоды для аромата.

Кроме того, культурологическая компонента может маркировать фоновые знания, не этно- или национально-центрические, а характерные для истории мировой цивилизации и культуры и, вместе с тем, имеющие широкое хождение в данной культурно-языковой общности. Примером данного утверждения могут являться библеизмы, широко используемые в англоязычных странах и, соответственно, культуре в целом и в литературе в частности. К этому ряду относятся, например, *Day of Judgement, the Revelations, Methuselah* - Мафусаил, старейший из патриархов, чье имя стало символом долголетия, и т.п.

E.g. <...> - *but if he was to come to our house, with his great shining lumpy forehead, night after night, till he was as old as Methuselah, I wouldn't have anything to say to him* (Dickens, 55).

Упоминание знаний универсального характера может вызвать вопрос о правомерности их выделения в исследовании национальной специфичности. Однако в этом отношении мы полностью разделяем точку зрения Д.Б. Гудкова о том, что универсальные, «общечеловеческие» элементы фоновых знаний культурологического порядка национально детерминированы в том смысле, что «в каждом отдельном национально культурном пространстве они будут занимать свое особое положение» [Гудков 2000: 42] и, хотелось бы добавить, иметь свой круг ассоциаций и коннотаций, а потому и собственное прочтение.

Наряду с фоновыми знаниями, источником которых стали явления, объекты и понятия как этноцентрического характера, так и относящиеся к сфере мировой цивилизации, можно выделить и культурологическую компоненту, источником которой послужили факты социального характера - относящиеся к возрастным, профессиональным, социально-стратификационным особенностям личности. Так, в предложении “*Which he wish to know what the shilling ware for*” (Dickens, 275) образовательный статус говорящего обозначен при помощи лишнего “*which*”, характерного для синтаксиса малограмотных англичан (Dickens, 918).

Фоновые знания, маркированные наличием культурологической компоненты, чаще всего имеют место при использовании лексических единиц, например: *the Beatles, Disneyland, a Chautauqua, foot, pound* и т. п. Кроме того, фоновые знания могут быть инкорпорированы в структуру текста и дискурса посредством языковых средств иной ярусной принадлежности. Ими могут стать высказывания в полной или усеченной форме, упоминания фактов истории, жизненного уклада.

Таким образом, необходимо подчеркнуть разную природу источников культурологической компоненты фоновых знаний: это могут быть объекты реальной действительности, понятия общекультурной отнесенности, имеющие широкое хождение в данном культурно-языковом ареале, понятия и явления этноцентрического характера, феномены лингвистического

порядка, представления, связанные с объектами или фактами объективной действительности. Соответственно, культурологическая компонента фоновых знаний сопряжена, прежде всего, с единицами лексической системы, однако может локализовываться и на других уровнях языковой системы, реализуясь в виде высказываний, СФЕ и текстов.

При выявлении разновидностей фоновых знаний, маркированных наличием культурологической компоненты, можно воспользоваться классификацией фоновых знаний, которую предлагает В.Я. Шабес. Данная классификация делит фоновые знания на (1) индивидуальные, коллективные и социальные; (2) светские, ненаучные, научные и художественные; (3) типизированные (коллективизированные) и уникальные (единичные); (4) тривиальные и не тривиальные [Шабес 1989]. Фоновые знания, необходимые для участия в коммуникации с носителями культурно-языкового кода, чаще всего являются по своему характеру социальными или коллективными, что объяснимо их принадлежностью к социальной группе людей (этносоциум) и их функцией обслуживать коммуникативные потребности этой группы. По отнесенности к сфере действительности фоновые знания могут быть и светскими и не/научными и художественными, что опять же подчеркивает неограниченные возможности референциальной отнесенности фоновых знаний. По групповой принадлежности фоновые знания с культурологической компонентой относятся к коллективизированным, то есть типичным фоновым знаниям, в отличие от уникальных (единичных). В противном случае они не могли бы обслуживать коллективы людей. Этот факт вполне объясним, так как культура объединяет группы людей, это феномен социального порядка. По отнесенности к характеру объекта фоновые знания могут быть тривиальные и нетривиальные. Если последние могут получить объяснение в процессе коммуникации, то первые являются неотъемлемым атрибутом, характеризующим знания о мире языковой личности - носителя данного культурно-языкового кода. Они не находят объяснения непосредственно в процессе коммуникации, так как относятся к общему фонду знаний о мире данной национально-культурной общности. Соответственно, их

незнание может оказаться серьезным препятствием при осуществлении коммуникации. Следовательно, методической задачей может стать выявление таких языковых единиц, которые скрывают в себе культурологическую информацию. Они должны стать обязательным элементом страноведческого компонента содержания обучения.

Для лингвокультуролога представляется важным определить единицу, посредством которой можно было бы описывать фоновые знания в лингвокультурологическом ключе. Как явствует из предшествующего анализа, понятие реалии не покрывает всего множества фактов лингвокультурологического порядка. Реалии являются лишь частью фоновых знаний, хотя, безусловно, их классификация [Томахин 1988: 8] демонстрирует тщательность и детальную разработанность.

Среди множества работ, посвященных выявлению единиц, раскрывающих культуру, или лингво-культурную грамотность носителя языка, нельзя не упомянуть исследований Ю.Н. Караулова. В качестве инструментов исследования он предлагает, с одной стороны, прецедентные тексты, а, с другой, места памяти. Прецедентные тексты выделяют один пласт фоновых знаний, связанный со знанием релевантных для данного этносоциума текстов. Местами памяти предлагается называть «крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры, хранящиеся в памяти поколений и связанные, как правило, с именами собственными – антропонимами и топонимами» [Караулов 1999: 154]. Данное метафорическое название лингвокультурологических единиц образно описывает природу обозначаемых им явлений. Вместе с тем данный термин обладает большой ограничительной силой. Прежде всего, из множества культурных объектов места памяти выделяют исторические и культурные явления данного этносоциума. Во-вторых, оказывается ограниченным и языковой план выражения изучаемых явлений. В круг изучения вовлекаются преимущественно имена собственные – антропонимы и топонимы. Однако проведенный выше анализ культурологически маркированных фоновых знаний наглядно демонстрирует и убеждает, что круг включенных в рассмотрение

культурологических явлений и способов их языкового выражения гораздо шире. Места памяти и прецедентные тексты могли бы быть рубриками более широкой классификации.

Представляется, что единицей такого порядка могла бы быть логоэпистема. Напомним, что логоэпистема представляет собой “языковое выражение закрепленного общественной культурной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культур” [Костомаров, Бурвикова 2000: 5]. Возможность использования термина “логоэпистема” для описания широкого спектра явлений культурологического порядка вытекает из существа ее определения. Логоэпистема не ограничивает диапазон языкового выражения, подчеркивает закрепленность культурного понятия или предмета [Гудков 2000: 121] в сознании языковой личности и языкового коллектива, покрывает культурологические явления этноспецифической природы и мирового масштаба. В силу вышесказанного представляется возможным определить логоэпистему как языковое выражение культурологически маркированной части фоновых знаний (например, в отличие от “ситуативной конкретики”), как единицу лингвокультурологического исследования в силу отмеченности наличием культурологической компоненты. Наряду с выделенными параметрами логоэпистемы необходимо подчеркнуть то свойство логоэпистемы, которое способствует ее становлению и закреплению в языковом сознании носителя языка и вместе с тем является доказательством ее собственного существования. В широком смысле логоэпистема является средством языкового выражения прецедентных явлений культурологической природы.

Прецедентность предполагает наличие в языковом опыте коммуникантов в силу зафиксированности в данном лингвокультурном коде сведений и представлений культурно-исторического характера. Явление прецедентности покрывает широкую область проявлений и реализации культурологической компоненты в сфере фоновых знаний. Прецедентность как лингвокультурологическая характеристика позволяет объединить представления о разнородных явлениях в единый блок

культурологически маркированных фоновых знаний и структурировать этот блок.

Прецедентный характер единиц, входящих в общий фонд знаний носителей языка, давно обратил на себя внимание исследователей, работающих в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Первый шаг в данном направлении был сделан Ю.Н. Карауловым, который констатировал необходимость выделения и изучения корпуса прецедентных текстов. При этом с точки зрения Ю.Н. Караулова, идентификация текста производится в широком смысле. Под текстом мыслится любое высказывание или последовательность высказываний, принадлежащая одному участнику коммуникации [Гаузенблас 1978: 63-64; Кох 1978: 162; Николаева 1978с: 471-472; Сгалл 1978: 81; Crystal 1995: 459]¹⁵.

Оставляя термин “прецедентный текст” для языкового аспекта исследования, считаем, что в прагматическом плане объектом лингвокультурологического исследования должно стать явление прецедентности. Такой подход позволяет, с одной стороны, расширить базу исследования, а с другой, специфицировать объект исследования. Соответственно, предлагается ряд уточняющих терминов: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация. Таким образом, текст получает другую, более узкую интерпретацию и соотносится с рядом подобных явлений. Все вместе они подведены под общую категорию прецедентных феноменов. Такая интерпретация отличает подход целой группы исследователей [Гудков 1999м; Захаренко 1999; Красных 1998; Ткаченко 1999]. Под прецедентными феноменами Д.Б. Гудков понимает “те “культурные предметы”, представления о которых входят в когнитивную базу” [Гудков 2000: 53]. Прецедентные феномены соотносятся с национально детерминированными минимизированными представлениями, составляющими, с точки зрения Д.Б. Гудкова, когнитивные единицы. Выше мы уже выразили свое отношение к термину “когнитивный” в рамках лингвокультурологического исследования. Сообразно логике данной работы прецедентные явления

¹⁵ Ср. утверждение П.Хартмана: «Все носители языка ... говорят только текстами» (цит. по [Шмидт 1978: 95]).

понимаются как представляющие собой культурные предметы, которые являются частью культуросферы, или культурного фонда данного лингво-культурного сообщества. В силу вышесказанного остаемся на позициях выделения логоэпистемы как языковой единицы, вербализующей представление о прецедентных явлениях.

Что касается прецедентных феноменов, или явлений, то вслед за Д.Б. Гудковым и В.В. Красных [Гудков 1999к; Красных 1998: 51-52] также считаем возможным охарактеризовать их, экстраполируя свойства прецедентного текста в интерпретации Ю.Н. Караулова: (1) значимость в познавательном и эмоциональном отношении; (2) известность широкому кругу лиц; (3) неоднократность обращения в дискурсе представителей лингвокультурной общности. Прецедентные явления служат реальной основой для образования культурологически маркированных фоновых знаний культурно-исторического порядка, находящихся в разнообразном языковом оформлении и имеющих в качестве источника разнообразные сущности.

Соответственно, по источнику происхождения, носителю прецедентности, можно выделить прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания, прецедентные имена (антропонимы и топонимы), прецедентные “словечки”, прецедентные псевдотексты, прецедентные жанры, прецедентные факты. Необходимо подчеркнуть, что некоторые из указанных терминов уже нашли свое место в классификациях, потому представляется возможным использовать некоторые имеющиеся на данный момент дефиниции, выработанные в рамках различных лингвокультурологических исследований.

Логоэпистема, восходящая к прецедентному тексту (далее: ПТ), предполагает “законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативную единицу, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы”. В качестве символов могут фигурировать указания на текст посредством цитаты, имен

персонажей, автора, заглавия [Гудков 2000: 54], то есть вербальные знаки, связанные с данным текстом. Так, статья о тенденциях в мире высокой моды имеет заглавие *War and tease* и содержит явную отсылку к английскому варианту звучания “Войны и мира”: *War and peace*. Данное заглавие, восходя к логозпистеме *War and peace*, служит лишь для привлечения внимания к уже известной логозпистеме, связанной с прецедентным текстом общемировой значимости и известности.

Воспроизведению подлежит также смысл текста или особенности его структурной организации. Так, в рассказе Р. Брэдбери реклама фантастического туристического агентства Time Safari, INC. представляет собой логозпистему, восходящую к прецедентному рекламному тексту (*You name it, you've got it*):

You name the animal.

We take you there.

You shoot it (Bradbury, 68).

За счет логозпистемы, воссоздающей ПТ, достигается правдоподобие, реальность изложения. Текст объявления, обычно присутствующий на общественном транспорте, *In case of emergency break glass* служит прецедентным при создании соответствующей логозпистемы в газетном тексте: *In case of political emergency break glass and scream “social security” (USA 2001, 9/5)*, что способствует созданию комического эффекта.

Текст известного детского стихотворения *“For want of a nail, a shoe was gone, ...”* является прецедентным для логозпистемы, развернутой в рассказе Р. Брэдбери *“A Sound of Thunder”*: гид предупреждает туристов, отправившихся на машине времени в доисторические времена, ничего не трогать без предварительного разрешения и не сходить с тропы, ибо это может иметь драматические, необратимые последствия в дальнейшей истории человечества: *For want of ten mice, a fox dies. For want of ten foxes, a lion starves. For want of a lion, all manner of insects, vultures, infinite billions of life forms are thrown into chaos and destruction. Eventually it all boils down to this: fifty-nine million years later, a cave man, one of a dozen on the entire world, goes hunting wild boar or sabre-tooth tiger for food. But you, friend, have stepped on all the tigers in that region. By stepping on one single mouse. So the cave man starves. And the cave*

man, please note, is not just any expendable man, no! He is an entire future nation. From his loins would have sprung ten sons. From their loins one hundred sons, and thus onward to a civilization. Destroy this one man, and you destroy a race, a people, an entire history of life (Bradbury, 71).

Наряду с прецедентными текстами существуют прецедентные квазитексты. Логоэпистема, восходящая к квазитексту – это сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу. Источником данной логоэпистемы могут быть «фильмы, спектакли, рекламные ролики, анекдоты, клише, бытующие в речи современников, высказывания шоуменов, общественных деятелей, политиков. При этом нередко сознательно эксплуатируются неудачные, порой неграмотные высказывания последних с целью достижения комического эффекта (от юмора до сарказма). Естественно, созданные на базе перечисленных источников тексты в познавательном и эмоциональном отношении несопоставимы с прецедентными текстами высшей пробы (ср.: «*Быть или не быть*»), но в функциональном плане они «работают» по одной схеме и решают одинаковые задачи, что позволяет назвать их квазипрецедентными» [Ткаченко 1999: 178]. Представляется, что прецедентность этих текстов неоспорима, но в силу их своеобразной природы их можно было бы именовать прецедентными квазитекстами.

Е.g. Один из заголовков журнала Newsweek “*Dracula Forever*” представляет собой слияние названий двух известных кинофильмов: «*Batman Forever*» и «*Dracula*» (NW 2002, 3/11). Еще один заголовок “*Dude, where’s my Benz?*” (NW 2002, 3/18) практически полностью повторяет название известного кинофильма “*Dude, where’s my car?*”, только специфицируя марку авто. Сокращенное название одной кинокартины “*Crouching Tiger, Hidden Dragon*” используется в обзоре о вновь выходящем фильме “*Planet of the Apes*”: “*But his huge leaps are more “Crouching Tiger” than jumping chimp*” (NW 2001, 8/6). “*Oops ... They did it again*” (NW 2002, 3/18) представляет собой название статьи о безопасности полетов в США и полностью повторяет название кинофильма.

Логоэпистема, восходящая к прецедентному высказыванию, представляет собой репродуцируемое высказывание, являющееся сложным знаком, смысл которого не равен сумме значений его компонентов. Прецедентное высказывание представлено цитатами в (1) традиционном понимании, (2) несколько измененном виде, который тем не менее не препятствует узнаванию воспроизводимого высказывания, (3) в усеченной форме. Наиболее частотны логоэпистемы, репродуцирующие прецедентное высказывание в измененном виде, что однако не мешает выстраивать параллели между источником и новым воспроизведением. Это достигается за счет упоминания ключевых, веховых компонентов высказывания, то есть тех, которые отвечают за смысл оригинального высказывания.

E.g. *“She was about twenty-five, with green eyes, a firm chin. Dull red hair, and a magnificent figure that did not hide its light under a bushel”* (Asimov, p. 30) восходит к библейскому *“Neither do men light a candle and put it under a bushel”* (Евангелие от Матфея, 5, 15).

При рассмотрении вопроса о прецедентных высказываниях как совершенно логичный возникает вопрос, являются ли пословицы и поговорки прецедентными высказываниями. Претендовать на статус прецедентных высказываний пословицы и поговорки могут в силу того, что характеризуются довольно стабильной формой высказывания, репродуктивны в воспроизведении, являются сложным знаком и знакомы большинству носителей языка. Эти аргументы позволяют некоторым исследователям приравнять прецедентные высказывания и, с одной стороны, и пословицы и поговорки, с другой [Захаренко 1999: 144; Красных 1998: 57].

Несмотря на очевидные черты сходства, полагаем, что прецедентные высказывания не могут иметь ранга пословиц и поговорок, то есть принадлежать уровню фразеологических единиц. Причиной этого является принадлежность пословиц и поговорок системе языка: это продукт длительного хранения и использования. Прецедентное высказывание имеет авторство. Кроме того, прецедентные высказывания имеют определенный срок давности, который действует для фоновых знаний [Hirsh 1987]. Безусловно, некоторые прецедентные высказывания

«приживаются» и становятся неотъемлемым элементом культурной компетенции (например: «Объять необъятное», «Из искры возгорится пламя» и т.п.) и, тем не менее, авторское происхождение прецедентного высказывания, будучи его существенной характеристикой, определяет его статус как отличный от пословиц и поговорок.

Прецедентная ситуация – “некая “эталонная”, “идеальная” ситуация с определенными коннотациями”, представленная в виде дифференциальных признаков [Гудков 2000: 55]. Эти дифференциальные признаки реализуются посредством лексических единиц, составляющих картину данной ситуации и являющихся ее неотъемлемыми элементами. Так, ситуация возвращения блудного сына предполагает наличие следующих дифференциальных признаков: отец, сын, возвращение / возвращаться с повинной, прощение / прощать:

E.g. *Then the prodigal son crawled to his father and asked for a job* (Grisham, 58). Прецедентная ситуация в данном тексте параллельна библейской. Так же как и в Священном писании, сын Трой Филан получил большую сумму денег на день рождения. После нескольких лет сладкой жизни он возвращается к отцу. Возвращение с повинной с очевидностью пресуппонируется глаголом *crawled*. Прощение состоялось, так как отец дает работу своему неупутевому сыну в своей собственной компании.

Ситуация подписания мирного договора 1918 года по окончании Первой мировой войны предполагает для американцев следующие дифференциальные признаки: В. Вильсон – триумф – Елисейские поля, что и находит отражение в следующей характеристике политической ситуации, но уже в современной Венесуэле:

E.g. *Only a year ago the Venezuelan president paraded through Caracas like Woodrow Wilson on Elysees* (NW 2002, 1/28). Происходит взаимоналожение основных признаков ситуации: лидер нации: В.Вильсон / the Venezuelan president – знак триумфа: триумф / paraded – место действия: Елисейские поля / Caracas.

Прецедентное имя – это имя собственное: антропоним или топоним, реального или вымышленного характера, но широко известное носителям языка и имеющее определенную связь с

культурной историей данного лингво-культурного сообщества. Ссылка на прецедентное имя осуществляется в следующих логоэпистемах:

E.g. *Margery and Minnie were very different from each other. Why young maidens? Who hunt in couples and invariably dress alike should differ as much in character and temperament as Boadicea and Mrs. Hemans afford a speculation as fantastic as it is futile* (Coppard, 7-8).

Действительно, разница, которую пресуппонируют интенционалы этих двух знаков, существенна: королева Боудикка отличалась мужеством и решительным характером, а поэтесса Felicea Dorothea Hemans принадлежит к романтическому направлению и достигла незначительной известности.

Ссылка на прецедентное имя топонимической природы осуществляется в рамках следующего высказывания:

E.g. *To the south an aerospace mogul has gussied a Norman pile complete with drawbridge and watertower, which the surfers ... call Camelot* (Monette, 38). Логоэпистема, содержащая ссылку на мифический двор короля Артура, Камелот, порождает коннотацию недоступности.

Довольно типичным для логоэпистем, восходящим к прецедентному имени, является то, что микротекст часто содержит одну из важнейших для данного прецедентного имени характеристик, входящих в интенционал данного знака. Соответственно, логоэпистема, восходящая к прецедентному имени, занимает место в изотопической цепочке:

E.g. Peron (populism): *They were especially revolted by his Peronist populism* (NW 2002, 1/28).

Checkov (concise): *So concise they rival Checkov* (NW 2002, 8/6).

W. Wilson (messiah): *Chavez was a Wilsonian messiah who achieved a Nixonian dream* (NW 2002, 1/28).

G.B. Shaw (erudition, lucidity, fine judgment): *When it comes to reviewing, if you want erudition, lucidity, and fine judgment, read George Bernard Shaw on classical music <...>* (T 2001, 8/27).

Savonarola (mask), Voltaire (smile, glee): *"Perfectly wrong", said Mr. Baker – and the bony, emphatic mask of Savonarola positively twinkled with his Voltairean smile - <...>* (Huxley, 65). *Mr. Baker's face was positively twinkling with Voltairean glee* (Huxley, 78).

Логоэпистемы, содержащие прецедентные слова / словечки, представляют собой лексические единицы, имеющие широкое хождение в данном лингво-культурном сообществе, введенные в лингво-культурный обиход как обозначения некоторых понятий, за которыми стоят явления социально-политической или культурной жизни общества. Так, *hawks and doves* служат для обозначения сторонников жесткого политического курса и сторонников политики мира [США 1999: 217]: «...helped make this self-styled dove a hawk” (NW 2002, 1/28). *Politically correct* употребляется и в сокращении *PC*. Это слово имеет широкое хождение в современных США и означает «общественно приемлемый» [США 1999: 398]. Среди прецедентных слов много заимствований, часто связанных с обозначением явлений культурологического порядка: *voilà!, femme fatale, infant terrible*.

Прецедентный жанр – стереотипный для данной лингво-культурной общности жанр, результат смыслового обобщения формальных и / или структурных особенностей, характерных для того или иного жанра. Так, прецедентным жанром для русской языковой личности является частушка, анекдот, для английской – лимерик. По сути, прецедентный жанр – это наивысшая форма концептуализации того или иного литературного жанра. Рассуждая о прецедентном жанре, нельзя не сослаться на меткое замечание Б.М. Гаспарова по этому поводу: «Например, образцовую опись образов и мотивов советского производственного романа дал в свое время А. Твардовский в поэме «За далью – даль»: «Глядишь, роман – и все в порядке: показан метод новой кладки, отсталый зам, растущий пред и в коммунизм идущий дед. Она и он – передовые; мотор, запущенный впервые; парторг, буран, прорыв, аврал. Министр в цехах и общий бал» [Гаспаров 2001: 17]. Таким образом, прецедентный жанр предполагает довольно четкий набор образов и мотивов, который стал стереотипным для членов данной лингво-культурной общности.

Прецедентный факт – широко воспроизводимый реальный исторический факт, имеющий определенные коннотации в языковом сознании представителей лингво-культурного сообщества. Отличие прецедентного факта от прецедентной ситуации состоит в том, что прецедентный факт связан с

определенными ассоциациями. Для прецедентной ситуации важно существование дифференциальных признаков, которые и могут быть «обыграны» при воспроизведении. Так, в упоминавшемся выше рассказе Р. Брэдли «A Sound of Thunder» герои, воспользовавшись машиной времени, улетают в прошлое. На пути они встречают даты-вехи, символизирующие определенные факты и события, важные для становления США как государства.

E.g. *Switch on. Let's go home.*

1492. 1776. 1812.

They cleaned their hands and faces. They hanged their caking shirts and pants (Bradbury, 77).

Знаменательные даты в данном тексте отсылают к соответствующим фактам, событиям истории США: 1492 – открытие Америки Колумбом, 1778 – провозглашение «Декларации Независимости», 1812 – объявление Соединенными Штатами войны Великобритании.

Давая обзор прецедентных явлений, нельзя не согласиться с Д.Б. Гудковым, что между прецедентными феноменами отсутствуют жесткие границы [Гудков 2000: 55-56]. Связь прецедентного высказывания с прецедентным текстом может затушевываться, и прецедентное высказывание, соответственно, может получить самостоятельный статус, автономный от текста-первоисточника. Так, в журнале Newsweek в статье о президенте Аргентины автор обращается к нему, используя известное американским носителям английского языка высказывание, восходящее к названию романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» / «For whom the bell tolls»: *Ask not, Hugo, for whom the caserolas clang, they clang for thee (NW 2002, 1/28)*. Высказывание соотносится с реальной ситуацией, когда Президент Аргентины Уго Чавес обнаружил, что он более не пользуется популярностью масс: при посещении одного из предместий Каракаса вместо возгласов приветствия и одобрения он услышал стук и звон кастрюль, свидетельствующих об обратном. Ссылка производится именно на прецедентное высказывание *For whom the bell tolls* из романа Э. Хемингуэя, так как обыгрывается смысл и глубинное значение прецедентного высказывания: этот звон кастрюль хоронит У. Чавеса.

Примером пограничного случая – указание на прецедентное имя и прецедентный текст – является и следующее высказывание. В ходе одного из расследований удивленная вопросом Эркюля Пуаро героиня восклицает: *I suppose this is the Sherlock Holmes touch* (Evil, 149). Тем не менее, в данном контексте на первый план выступает логоэпистема с прецедентным именем как носитель определенного признака. В пользу такой трактовки свидетельствует и сам лексико-грамматический контекст: употребление логоэпистемы с прецедентным именем в позиции определения к другому существительному и наличие определенного артикля перед прецедентным именем. Атрибутивная позиция существительного, являющегося именем собственным, служит указанию на признак или набор признаков, свойственных носителю данного имени. Синтаксическая позиция в данном случае отражает то, что говорящий располагает знанием концепта человека, носящего данное имя, с присущими для этого концепта характеристиками. Таким образом, в данном случае прецедентным оказывается именно имя, хотя и, безусловно, связанное с прецедентным текстом.

Значимость прецедентного имени подчеркивается и наличием словарной статьи *Sherlock Holmes* в [Longman Culture 1992: 634]: *a detective in stories by Sir Arthur Conan Doyle. Holmes smokes a pipe, plays the violin, and uses his impressive brain to understand mysterious deaths and other problems. He often says, "Elementary, my dear Watson" to his friend Dr Watson, to show how easy to understand something is.* К сожалению, в статье нет указания на неординарность методов Шерлока Холмса, что, несомненно, является частью его образа. Именно эта характеристика оказалась задействованной в процитированном выше контексте. Данный анализ указывает на необходимость текстологического наблюдения над использованием логоэпистем с прецедентными именами и прочими прецедентными феноменами, которое бы позволило сообщать наиболее выверенные и текстово обоснованные сведения.

Прецедентное имя при условии связанности с прецедентным текстом, также может указывать и на текст-первоисточник, но может и автономизироваться. Прецедентное имя, связанное с прецедентным текстом, акцентирует одну из

линий текста. Порою прецедентный текст минимизируется до прецедентного имени. Ярким примером этого выступает известная книга Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» / “Alice in Wonderland”. Имя Алисы, указывая на прецедентный текст-первоисточник, безусловно, получило самостоятельность и в целом служит обозначению открытого ребенка в неизведанной стране, сталкивающегося с непонятными и загадочными явлениями.

Характерно, что интенционал знака не фигурирует в лингвострановедческих словарях, несмотря на поставленную авторами задачу помочь «с полным пониманием английских слов и словосочетаний», «обеспечить полноту картины, дать читателю возможность понять все нюансы, с какой бы темой ему ни пришлось иметь дело» [Великобритания 1999: 8]. Однако знакомство с экстенционалом знака не решает данной проблемы. В [Великобритания 1999: 41] *Alice* имеет следующее пояснение: “Алиса (девочка-героиня детских книг “Алиса в стране чудес” [“Alice’s Adventures in Wonderland”], 1865, и “В Зазеркалье” [Through the Looking-Glass], 1872, Л.Кэрролла [Lewis Carroll]; книги пользуются огромной популярностью не только у детей, но и у взрослых и постоянно цитируются как в художественной, так и в публицистической литературе; многие фразы стали крылатыми; Л. Кэрролл – псевдоним математика Ч. Доджсона [Charles Lutwidge Dodgson, 1832-98]”. Довольно объемная словарная статья тем не менее не содержит информации об интенционале рассматриваемой логэпистемы, не раскрывает нюансов ее употребления. Попытки преодолеть это ограничение предприняты в лингвокультурологических словарях нового поколения.

Ср.: *Alice in Wonderland – a story by Lewis Carroll, in which a little girl called Alice falls down a rabbit hole and comes to a magical land where many strange animals appear and funny things happen. The expression Alice-in-Wonderland is sometimes used to describe something strange or unreal, as if in a dream* [Longman Culture 1992: 26].

Тесно связанными между собою оказываются прецедентное имя и прецедентный факт, ибо упоминание имени может порождать воссоздание стоящего за этим именем или связанным с ним фактом. Так, разговаривая с индейцем и отмечая его

холодность и враждебность, главный герой романа Пола Монетта задается вопросом: *Why do you think he treats me like General Custer?* (Monette, 108). Американский генерал Кастер, сражаясь против индейцев, прославился своей жестокостью по отношению к ним и, соответственно, вызвал ненависть к себе со стороны индейского населения, от рук которого и погиб, попав в засаду одного из индейских племен. Ссылка на известную историческую личность граничит с упоминанием прецедентного факта, за счет чего образно «схвачены» особенности конситуации. Один из героев Р. Брэдбери упоминает королеву Елизавету, указывая тем самым на известный факт, что время ее правления было одним из периодов могущества Англии, простиравшегося на суше и на море и умножившего ее территории за счет присоединения новых земель, в том числе и Америки: *Queen Elizabeth might never be born, Washington might never cross the Delaware, there might never be a United States at all* (Bradbury, p. 71), и, соответственно, если бы она не родилась, не состоялись бы экспедиции знаменитых морских волков, не началась бы история Соединенных Штатов, что и находит дальнейшее подкрепление при развертывании высказывания.

Существуют очевидные корреляции между прецедентной ситуацией и прецедентным фактом. Однако для прецедентной ситуации очень важны дифференциальные признаки, в виде которых она и существует в сознании носителя языка. Для прецедентного факта значимы коннотации, ассоциации, следствия данного факта. В упоминавшемся выше рассказе Р. Брэдбери гид предостерегает туристов, путешествующих во времени, чтобы они не сходили с тропы во избежание необратимых последствий. В приведенном выше примере логоэпистема восходит к прецедентному факту, хотя он соотносится с ситуацией. Последствия факта обозначены цепью простых предложений. Референция производится к факту переправки американских солдат войска генерала Дж. Вашингтона через реку Делавер во время кампании 1766г., когда они нанесли сокрушительный удар по численно превосходящим силам англичан, что, безусловно, было важнейшим событием в истории становления американского государства.

Логоэпистемы характеризуются наличествующим интенционалом. В связи с этим анализ «фразовой атмосферы слова» [Виноградов 2000: 293], то есть сочетаемости позволяет эксплицировать коннотации.

E.g. *as segregated as the Jim Crow South* (Т 2001, 8/27); *Peronist populism* (NW 2002, 1/28); *triumphed napoleonically* (NW 2002, 1/28); *nixonian dream* (NW 2002, 1/28); *wilsonian messiah* (NW 2002, 1/28); *Rasputin conniving behind the throne* (NW 2002, 1/28); *alive like Disneyland* (NW 2002, 3/18); *dead like Pompeii* (NW 2002, 3/18), *vicious Darwinian jungle* (NW 2002, 3/11).

Коннотативность логоэпистем объясняет частое использование логоэпистем для создания экспрессивного эффекта [Гудков 1999: 123], а “экспрессивная окраска самым непосредственным образом связана с аксиологическим отношением” [Телия 1998: 22]. Оценочность логоэпистем суть субъективного свойства. Их субъективность проистекает из эмоциональности. Причем логоэпистемы производят отсылку не к норме, а к эталону-полюсу того или иного свойства. Соответственно, универсальные понятия «жадность», «жестокость», «хитрость» и т.п. приобретают культурологическую маркированность в силу национальной детерминированности средств вербализации. Так, русская языковая личность не воспринимает В. Вильсона как мессию. А именно в этой роли данный политик выступает в американской истории: 14 пунктов плана Вудро Вильсона по урегулированию международного конфликта саркастически сравнивали с 10 заповедями христианства [O’Callaghan 1997: 91]. Соответственно, одно и то же качество приобретает реальное воплощение в различных образах для разных народов.

Таким образом, логоэпистемы, являющиеся готовыми образами для обозначения свойств, ситуаций, признаков, позволяют избежать прямого наименования перечисленных сущностей, что придает речи дополнительную образность. Вместе с тем культурологическая маркированность, или национальная детерминированность, служит дополнительному к языковому уровню кодирования информации. В этом случае язык приобретает статус лингво-культурного кода. Использование лингво-

культурного кода повышает степень аутентичности высказывания, способствует созданию “своей” атмосферы, закрытости от “коммуникативных чужаков”.

Что объединяет все логоэпистемы, имеющие коррелятами прецедентные явления, - это их функционирование в качестве сложного знака, выступающего в качестве символа. Этим логоэпистемам сопутствуют национально детерминированные минимизированные представления. Порою эти представления вербализуются в более полной форме, что влечет за собой использование лексических единиц, принадлежащих к данному тематическому пласту. Такое использование логоэпистем, безусловно, облегчает понимание текста. Тем не менее, логоэпистема, отсылающая к определенному прецедентному явлению, может не получить экспликации в виде сопутствующего смыслового подкрепления, выраженного в форме лексической единицы. В таком случае “чистое” воспроизведение прецедентного явления затрудняет понимание текста непосвященным адресатом. Соответственно, в функциональном плане логоэпистемы характерны для произведений художественной литературы, текстов публицистического и политизированного характера, для неофициальной коммуникации. Вместе с тем настоящее время, характеризующееся процессами глобализации, предъявляет новые требования к деятелям искусства, СМИ. К примеру, усиление культурологической маркированности создает дополнительное препятствие для непосвященного зрителя. “Мировое кино” требует унификации используемого языка. Интерес представляет и анализ языка современной художественной литературы, изучение направлений художественного творчества на предмет выявления его национальной специфики.

Список прецедентных явлений остается открытым и может пополняться в связи с расширением ресурсной базы. Как можно заключить, все эти прецедентные явления лежат в основе культурного багажа носителя языка и в виде логоэпистем представляют неотъемлемую часть лингвокультурного кода. Сознавая тот факт, что “вся наша языковая деятельность – и создаваемая и воспринимаемая нами речь – пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта” [Гаспаров 1996],

можно констатировать, что культурная грамотность человека говорящего предполагает распознавание им прецедентных явлений в процессе пользования языком. Культурологическая маркированность логоэпистем и стоящих за ними прецедентных явлений очевидна. Владение ими предполагает не только знакомство, но и осознание реальностей и потенциалов лингво-культурного кода данного национально-языкового сообщества.

Положительный заряд факта выделения прецедентных явлений объясняется еще и тем, что выделение прецедентных явлений позволяет более строго подойти к определению и структурированию реалий. Реалия – это название материального объекта, явления или понятия, который имеет связь с бытом, особенностями сферы проживания и социального уклада того или иного народа. Реалия – это термин, который адекватен для обозначения указанных сущностей в рамках лингвострановедения. Этот термин лишен ценностной окраски. Логоэпистема, служащая обозначению прецедентного явления, обладает ценностным аспектом в связи с ценностным характером культуры, а именно культурные предметы находятся в ведении логоэпистем. Прецедентные явления связывают ценностные установки и факты культуры и истории в единый лингво-культурологический комплекс, относящийся к сфере фоновой информации. Прецедентное явление соответствует логоэпистеме, как объект или явление окружающей действительности своему языковому выражению. Логоэпистема манифестирует действие культурологической компоненты в сфере фоновых знаний.

Прецедентные явления в силу своей языковой выраженности в форме логоэпистемы являются вербализованным компонентом фоновых знаний. Однако фоновые знания могут быть представлены и невербально и актуализироваться в процессе оперирования историко-философской базой данного лингво-культурного сообщества. Историко-философская база находит свое проявление и логическое продолжение в убеждениях, ценностях, религиозных установках, определяющих данный этносоциум. Так, американский этносоциум характеризуется теорией прагматизма, насквозь пронизывающим данное общество [America 1990: 26-27]. Соответственно, прагматические установки определяют характер и

направленность общения. В исторической перспективе вполне понятна ценность быстрых изменений и идей прогресса, характерная для американцев. Для восточной культуры, например китайской, особо значимо отсутствие резких скачков, воздерживание от скороспелых выводов, предпочтение длительного развития в отличие от быстрых решений.

В отношении логического следования от историко-философской базы находится распространенная в том или ином этносоциуме концепция личности и межличностных отношений. Личностный аспект предполагает акцент на индивидуе или на человеке как части коллектива, той или иной социальной группы. Что касается межличностных отношений, то в американских деловых кругах наиболее приемлемыми являются равноправные отношения. Они порождают построение симметрической солидарности, что находит совершенно определенное языковое воплощение: использование личных имен (первого имени в английской демографической традиции), довольно неформальный характер построения диалога. Таким образом, в западном обществе делается ставка на приоритеты индивидуальности и равенства. Для восточных культур, как например китайская, в бизнесе приняты другие отношения – отношения симметрического почитания, что подкрепляется в языковом плане сильно развитой системой личных имен с предписаниями, когда и где их употреблять, языком официального общения [Scollon & Scollon 1995: 123].

2.2.3. Невербальный аспект общего фонда знаний

Невербальный аспект знаний окружающего мира включает в себя знания исторических особенностей развития данного лингвокультурного сообщества и философских основ, включающих убеждения, а также ценности и религиозные установки. Все это выступает в качестве регуляторов поведения и ложится в основу поведенческих норм, в том числе и в плане проведения коммуникации. Система нравственных ценностей, которая определяет характерные черты поведения, и является своеобразной

национальной философией. Национальная философия обуславливает нравственный идеал, к которому и должны стремиться члены того или иного лингво-культурного сообщества.

Анализируя различные системы моральных установок, которые определяют особенности общения разных народов, исследователи приходят к выводу об универсальном характере ценностных ориентиров. Почтительное отношение к старшим, родителям, женщине, понятие чести, достоинство, толерантность, благожелательность – все эти понятия суть общечеловеческого свойства. «Однако иерархия ценностей, культивируемых и традиционно поддерживаемых в том или ином обществе, имеет свои особенности. Именно иерархия качества специфична для таких традиционных этических систем, как гири в Японии или намуc мусульманских народов» [Байбуриh, Топорков 1990: 12].

Коммуникативный акт, то есть процесс коммуникации, строится в соответствии с общим кодом, который объединяет партнеров, задает рамки и формат коммуникации. Владение философско-ценностной базой поведения важно для успешности коммуникации. Понимание личности, ее места в обществе и межличностных отношений оказывается определяющим для системы дискурса. Кроме того, оно способствует реализации адекватной формы дискурса.

2.2.4. Лингвокультурологический аспект речевого поведения

Второй компонент общего фонда знаний предполагает знакомство с требованиями к осуществлению коммуникации. Как заявлено выше, эти требования реализуются в форме вербального и невербального компонентов. Вербальный компонент предполагает произносительную, лексико-грамматическую, структурную и эстетическую нормированность. Невербальный компонент отвечает за принципы речеведения. Все это вместе очевидно коррелирует с двумя сторонами речевого поведения в интерпретации В.Г. Гака. Так, напомним, что с точки зрения В.Г. Гака поведенческий аспект

в сфере языка имеет две стороны: «(1) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; (2) общие тенденции (константы) языкового поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речеведения» [Гак 1998: 142]. Таким образом, вторая составляющая общего фонда знаний может получить название речевого поведения и заслуживает отдельного глубокого анализа на предмет культурологической маркированности.

Термин “речевое поведение” достаточно широко употребляется в лингвистических исследованиях последнего времени. Вместе с тем необходимо отметить наличие некоторых расхождений в его понимании. Так, в интерпретации В.Г. Гака акцентируется лингвистическая сущность речевого поведения.

В трактовке О.М. Казарцевой речеповеденческий аспект общения приобретает деятельностный оттенок. За счет того, что наряду с речевыми действиями и неречевыми поступками (мимика, пантомимика, жестикация) выделяется третий компонент речевого поведения: результаты деятельности (ее успешность или неуспешность) [Казарцева 1998: 11]. В нашем представлении речевое поведение в идеале направлено на успешное решение задач коммуникации, и потому результаты речевой деятельности либо инкорпорированы в саму деятельность либо являются фактором оценки деятельности. Комбинация лингвистических, экстралингвистических и паралингвистических факторов характерна для трактовки речевого поведения И.А. Стернина. Он подчеркивает комплексный характер речевого поведения и определяет его как “реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности” [Стернин 1996: 97]. При этом выделяются вербальный и невербальный аспекты речевого поведения. Вербальный аспект предполагает “правила и традиции речевого общения в определенных условиях коммуникации”, что находит свое отражение в выборе адекватных этикетных формул для различных ситуаций общения, соблюдении последовательности фрагментов общения и временных ограничений для различных ситуаций,

приоритизации различных факторов общения в разных коммуникативных группах и т.п. Невербальный аспект охватывает паралингвистические средства, регламентированные данным лингвокультурным сообществом для осуществления процесса общения [Стернин 1996: 98-103]. Таким образом, в сферу исследований речевого поведения попадают лингвистические (набор формул), конструктивные, или структурные (последовательность фрагментов общения), экстралингвистические (временные, социальные, гендерные параметры) и паралингвистические факторы.

Однако такой подход к структурированию речевого поведения, а также и наименования рубрик наталкивают исследователя на ряд вопросов как терминологического, так и сущностного характера. Так, первый вопрос касается природы конструктивного, или структурного фактора. Представляется, что по своему характеру, исходя из описания, он также является лингвистическим, ибо структурная параметризация характерна для лингвистических сущностей. Отсюда логично следует второй вопрос - об основе классификации - и, соответственно, рубрикации лингвистических параметров, обеспечивающих валидность категоризации. Положительный заряд рассматриваемой классификации состоит в попытке структуриации речевого поведения, что, безусловно, очень важно для его детального исследования.

Ход и логика данного исследования предопределяет “лингвистический” акцент в понимании речевого поведения, то есть подход, заявленный В.Г. Гаком. Принципы речевого поведения, лежащие в основе речевого поведения, пресуппонируют широкую интерпретацию речевого поведения. В этом смысле оно понимается как “последовательный (серийный) процесс, в котором задаются генерализованные схемы действия” [Титоне 1984: 348]. Генерализованные схемы действия предопределяются системой дискурса, манифестируются в модели дискурса с поправкой на его форму и, наконец, реализуются в типах дискурса в зависимости от социокультурных параметров (возрастных, временных, гендерных). Это коррелирует с экстралингвистическими факторами речевого поведения И.А. Стернина. Однако в нашей классификации эти

характеристики оказываются встроенными в основу, определяющую то или иное речевое поведение. Вербальный аспект речевого поведения экстерииоризирует глубинные процессы построения дискурса в связи с закономерностями системы и требованиями формы. Вербальный аспект предполагает все возможные манифестации языка.

Что касается паралингвистических факторов, являющихся частью речевого поведения в концепции И.А. Стернина, то не оспаривая принятого им подхода, но сообразуясь с логикой настоящего исследования, считаем целесообразным выделить средства кинетики и проксемики в отдельную группу паралингвистических средств. При этом заметим, что также отдельно рассматривается и мотивационная база говорящего.

Структурирование речевого поведения влечет за собой возможность решения лингвокультурологических задач, а именно: определение действия культурологической компоненты в его рамках.

Культурологическая маркированность и национальная детерминированность системы дискурса, лежащая в основе речевого поведения, не вызывает сомнений. Культурологическая маркированность системы дискурса обуславливается ее природой. Система дискурса будучи понимаемой как система коммуникации, принятая в том или ином обществе, складывается под влиянием национальной философии, концепции личности и межличностных отношений и проявляется в выборе форм дискурса. В настоящий момент выделяются несколько культурно детерминированных форм дискурса. В зависимости от концепции межличностных отношений форма дискурса может быть договорной или установленной, в зависимости от приоритета индивида / коллектива – индивидуалистской или коллективистской; в зависимости от приоритета в понимании коммуникации – информационной или реляционной.

Важным фактором, определяющим форму дискурса, является степень обсуждаемости отношений, то есть значение имеет: носят ли они договорной или ингерентный характер. Для западного общества отношения строятся в договорном порядке на основе равенства и свободы. Эти приоритеты равенства и свободы

находят свое крайнее выражение в ценностных установках североамериканского общества. В соответствии с ними культивируется независимость от родственных уз и иерархических отношений другого рода. В отличие от такой постановки дела в восточных обществах важность приобретает принцип иерархичности и коллективизма. Восточная культура учит человека подчиняться старшим, а позднее – вести за собой младших. Принцип иерархичности пронизывает все отношения восточного общества. Родство понимается как ответственность и обязательства как по отношению к старшим, так и по отношению к младшим [Scollon & Scollon 1995: 130-131]. В обществах, ориентированных на восточную культуру с соответствующими ценностями, поддерживаются иерархические отношения, обусловленные ингерентными свойствами участников (родство, возраст, пол, профессия).

Кроме того, форма дискурса зависит от приоритизации интересов индивида или группы. Соответственно, культуры, где доминантой выступают групповые интересы, в языковом отношении не фокусируют внимания на личных устремлениях, чтобы сохранить гармонию в группе. В индивидуалистском обществе группы не образуются как постоянная величина, как это происходит в коллективистском обществе. В результате разговор в индивидуалистском обществе аналогичен в различных ситуациях, так как всякий раз взаимоотношения в той или иной мере оговариваются. В коллективистском обществе отношения между людьми устанавливаются по факту рождения, принадлежности определенной семье, определенному срезу общества, определенному месту. Соответственно, вне- и внутригрупповые формы проведения речевого общения отличаются и носят фиксированный характер. Так, в недавно проведенных исследованиях установлено, что японцы используют иной, предполагающий упрощение, регистр речи в разговоре с иностранцами. Более того, те, кто разговаривают с иностранцами в обычном режиме, заслуживают осуждения со стороны других японцев. В этом, считают они, проявляется некоторое предательство групповых интересов (описано у [Scollon & Scollon 1995: 135]).

Формы дискурса зависят от доминирования информативной и межличностной функции языка в процессе коммуникации. Несмотря на то, что в общении часто (но не всегда) комбинируются обе функции, предпочтение может быть отдано одной из них и порою за счет другой. Так, в западных культурах акцент делается на информативной функции языка. А, к примеру, японская культура высоко ценит передачу языком тончайших оттенков чувств и отношений, что достигается в ущерб информативности. По существу, и в тексте описательность всегда достигается за счет ущемления информативности и наоборот.

Все обозначенные опции, выбор которых определяет систему дискурса, приходят во взаимодействие в общении. Противоречия различных систем дискурса находят яркое воплощение в диалоге, приведенном для анализа социокультурных установок и их проявлений в [Scollon & Scollon 1995: 122].

Mr Richardson: By the way, I'm Andrew Richardson. My friends call me Andy. This is my business card.

Mr Chu: I'm David Chu. Pleased to meet you, Mr Richardson. This is my card.

Mr Richardson: No, no. Call me Andy. I think we'll be doing a lot of business together.

Mr Chu: Yes, I hope so.

Mr Richardson (reading Mr Chu's card): "Chu, Hon-fai". Hon-fai, I'll give you a call tomorrow as soon as I get settled at my hotel.

Mr Chu (smiling): Yes. I'll expect your call.

Оба собеседника находятся в плену собственных стереотипов, несмотря на факт общения на одном языке и способности восприятия поверхностного значения. Мистер Ричардсон рад своей культурной толерантности. Он уважительно, с точки зрения западного человека, назвал своего собеседника его родным именем. Он приравнял его к друзьям, представившись Энди и указав, что так его называют друзья. Он довел разговор о сделке до логического завершения, пообещав позвонить сразу же после устройства в гостинице. Вся роль господина Ричардсона была построена в соответствии с отношениями эгалитарного равенства, предполагающих систему симметрической солидарности.

Не учтенной г-ном Ричардсоном является культурологическая компонента построения дискурса. Так же как не учтена она и г-ном Чу. Владение языком, с его стороны, не является владением лингво-культурным кодом. Английский язык в исполнении последнего вступает в сложные отношения с кодом родной для него культуры. Надо отдать должное г-ну Чу: он попытался выйти за пределы данного культурного кода, назвавшись западным именем. Тем не менее, довольно сомнительно, перешел ли бы он на культурно-языковой код американца даже после этого.

Так, в анализе приведенного выше диалога Р. Сколлон и С.В. Сколлон указывают, что для гонконгского бизнесмена имя Давид, которое он предложил, предпочтительнее в силу того, что в китайской культуре система имен характеризуется чрезвычайной степенью развитости и даже изощренности с точки зрения западного человека: различные имена даются человеку в различных ситуациях и в различных системах взаимоотношений собеседников. Использование незнакомцем имени, данного родителями, для китайского бизнесмена является источником дискомфорта. Также и улыбка, которой заканчивает разговор г-н Чу, является не выражением дружелюбного расположения, а имеет целью скрыть неловкость от создавшейся ситуации (анализ см. [Scollon & Scollon 1995: 123-124]). Данная ситуация в противоположном смысле часто встречается тогда, когда происходит взаимоналожение различных систем без внутрисистемного анализа. Иллюстрацией являются случаи, когда россияне впервые выезжают за рубеж и испытывают гордость оттого, что при обращении к ним используются такие формы, как *“сэр”*, *“мадам”*, однако это всего лишь формы вежливого обращения в английском языке, а отнюдь не свидетельство признания высокого происхождения адресата.

Этот диалог, в котором каждый собеседник пытается проявить уважение к чужой культуре, дает хороший повод для размышлений исследователя-лингвокультуролога. Первым значимым выводом, к которому заставляет прийти анализ данного диалога, является вывод о языке как лингво-культурном коде. Второй вопрос касается того, является ли человек, владеющий иностранным языком, языковой личностью своего родного языка

или ему приходится делать выбор и переходить на другой лингво-культурный код. Третий вопрос касается того, как можно в общении пользуясь одним из языков собеседников, не нарушать культурные традиции, связанные с другим, остающимся неиспользованным лингво-культурным кодом. Четвертый вопрос заставляет задуматься над возможностями использования правил речевого общения, так называемых максим вежливости, разработанных Грайсом. Суть проблемы данных максим состоит в англоцентричности этих правил. Соответственно, встает необходимость проведения широкомасштабных исследований, вовлекающих в свой круг языки разных языковых групп и разных культурных ареалов. Пятая проблема касается выстраивания “системы дискурса”, действующей в той или иной лингво-культурной общности. В связи с признанием существования системы дискурса встает вопрос о том, в какой степени возможно, если возможно вообще, ведя речь на одном языке, соблюдать законы вежливости другой лингво-культурной общности. Речь в данном случае идет об особенностях интерактивного взаимодействия различных систем дискурса. Возможным ответом на поставленный вопрос может служить точка зрения исследователей межкультурной коммуникации Р. и С.В. Сколлонов, отмечающих, что культуры не говорят друг с другом - говорят личности. Соответственно, общение является не межкультурным, но межличностным [Scollon & Scollon 1995: 125].

В конечном итоге, все эти проблемы свидетельствуют о несомненной культурологической маркированности дискурса, то есть наличии культурологической компоненты, влияющей на стратегию дискурса. Под стратегией дискурса понимается линия проведения разговора, принятая говорящим для достижения поставленной перед собой цели общения. С точки зрения О.С. Иссерс «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2002: 54]. В отечественной традиции эта проблема находила и находит отражение в исследованиях по культуре речи (см. [Львов 2002]). В последнее время однако речевые стратегии становятся самостоятельным объектом исследования, о чем

свидетельствуют соответствующие публикации [Баранов 1990; Иссерс 2002].

Таким образом, невербальный аспект лингвистического компонента единой информационной базы каузирует наличие культурологической компоненты, которая находит свое выражение уже в вербальном блоке. Как заявлено выше, вербальный компонент предполагает нормативность произносительного, лексико-грамматического, рече-этикетного и эстетического уровней выстраивания сообщения¹⁶. И.А. Стернин, соответственно, выделяет общекультурные, ситуативные и индивидуальные нормы речевого поведения [Стернин 1996: 98]. В его понимании общекультурные нормы характеризуют всю лингво-культурную общность и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Сюда относятся такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование. Ситуативным нормам следуют в тех случаях, когда общение ограничено темой общения или составом общающихся. Так, ограничения по статусу коммуникантов позволяют говорить о таких разновидностях речевого поведения, как вертикальное (вышестоящий – нижестоящий) и горизонтальное (равный с равным). И, наконец, индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт человека говорящего и представляют собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных норм в рамках данной языковой личности. Таким образом, проведенная классификация норм коммуникативного поведения И.А. Стернина позволяет выявить нормативность / ненормативность речевого поведения человека говорящего в связи с тем, насколько представлены в этом поведении общекультурные и ситуативные нормы.

Выделение в структуре речевого поведения норм различного порядка, безусловно, способствует подвижности и

¹⁶ В связи с тем, что данные по произносительным навыкам не могут получить экспериментального подтверждения в данной работе, они не получают освещения на ее страницах.

адаптогенности данного понятия. Вместе с тем полагаем возможным и необходимым внести большую терминологическую четкость в данную классификацию. Речь в этом случае идет о дифференцировании общекультурных и ситуативных норм. При размышлении над данными терминами и обозначаемыми ими явлениями обращает на себя внимание тот факт, что и ситуативные нормы являются общекультурными, ибо они также характерны для лингво-культурной общности, отражают принятые в ней правила этикета.

В связи с этим представляется, что по критерию охваченности можно разграничивать нормы общие, социально-групповые и индивидуальные. Общие нормы речевого поведения характеризуют всю лингво-культурную общность. Социально-групповые нормы действуют в рамках той или иной социальной группы (по профессиональному, возрастному признакам и т.п.).

По своей природе, предполагающей источник нормообразования, нормы коммуникативного поведения могут разделяться на ситуативные, ролевые и статусные. Ситуативные нормы отражают правила вежливого общения в ситуациях привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания и т.п. Ролевые нормы общения предписывают нормативы для общающихся, выступающих в той или иной роли: водителя-пассажира, дочери/сына - родителя, учителя – учащегося, врача – пациента и т.п. Статусные нормы предполагают учет отношений по принципу социальной иерархии, характерных для данной лингво-культурной общности. Соответственно, статусные нормы предполагают вертикальное (вышестоящий – нижестоящий) и горизонтальное (равный с равным) взаимодействие. Ситуативные, ролевые и статусные нормы могут варьироваться в зависимости от характера отношений между коммуникантами. Характер взаимоотношений (официальный / неофициальный, бытовой / производственный) предполагает наличие модусных норм коммуникативного общения.

Таким образом, нормы общения подразделяются в зависимости от охвата общающихся, природы общения и характера общения. В зависимости от обстоятельств, то есть обстановки в которой осуществляется общение [Леонтьев 1988: 115],

доминирующим, то есть определяющим нормативность, может выступать любой из данных классификационных признаков или совокупность некоторых из них.

Лингвисты единодушно отмечают, что «нормы речевого поведения отличаются значительным национальным своеобразием» [Беляева 1985: 12]. Яркой иллюстрацией культурологической маркированности служат проявления лексико-грамматического уровня выстраивания сообщения, что в конечном итоге находит свое выражение в существующих речевых стереотипах, в выборе определенных лексико-грамматических средств. Так, Е.И. Беляева выделяет лексико-грамматические средства оформления декларативных высказываний в английском языке, реализующих принцип вежливости [Беляева 1985]. Национальная детерминированность стереотипов речевого этикета получила должное отражение в целом ряде лингвокультурологических исследований [Бок 1999; Газизов 2001; Маслова 2001: 108-112; Прохоров 1997; Фирсова 2001].

Структурирование дискурса также культурологически маркировано, ибо организующий дискурс порядок следования частей разной степени информативности закреплен системой дискурса в виде реляционной или информационной формы. Так, исследователи констатируют, что для представителей Запада дискурс строится в соответствии со следующей установкой: вначале следует тема – то, что входит в основной смысл сообщения, а затем следует обоснование. Форма изложения подчиняется следующей причинно-следственной цепи: *X, так как Y* (1). Для коммуниканта-выходца из Азии типичной является иная форма цепи: *поскольку Y, то X* (2). Р. и С.В. Сколлоны иллюстрируют эти структурные формулы следующими примерами: E.g. (1) *I suggest that we delay making our decision until after Legco makes its decision. That's because I think a certain amount of caution in committing to TV advertisement is necessary because of the expense. In addition to that, most of our production is done in China now, and it's not really certain how the government will react in the run-up to 1997.* (2) *Because most of our production is done in China now, and uh, it's not really certain how the government will react in the run-up to 1997, and since I think a certain amount of caution in committing to TV*

advertisement is necessary because of the expense. So, I suggest that we delay making our decision until after Legco makes its decision [Scollon & Scollon 1995: 1-2].

Таким образом, участники коммуникации изначально имеют определенные ожидания в отношении тема-рематической организации дискурса. Несовпадение этих ожиданий отрицательно сказывается на ходе и результатах общения. Так, в фокусе внимания североамериканца окажется начальная стадия дискурса, внимание представителя восточной культуры будет сосредоточено на его завершающей фазе.

Эстетический компонент будучи межсистемным предполагает умелое пользование выразительными средствами языка, что выражается в адекватном употреблении фигур речи, в частотности их употребления, соответствующей норме, в приоритете тех или иных фигур речи и правильном наполнении сообщения. Так, исследователи отмечают, что носители разных языков и культур характеризуются разным отношением к пословичному фонду. Если представители Востока высоко ценят пословицы как выражение народной мудрости, то такие представители Запада, как носители английского языка, не имеют тенденции пользоваться паремиями в ироническом смысле [Tannen 1989: 39-40].

В результате исследования особенностей речевого поведения представителей различных культур и, соответственно, различных систем дискурса можно делать выводы о тех или иных особенностях общения различных лингво-культурных общностей. Так, И.А. Стернин делает попытку описания доминантных особенностей общения представителей различных лингво-культурных сообществ. Для английской языковой личности в общении важны низкий уровень громкости; немногословие, высокий уровень бытовой вежливости; некатегоричность общения (англичане не любят высказываться определенно, не любят говорить четко “да” и “нет”); антиконфликтная ориентация общения; высокий уровень тематической табуированности общения, жесткая тематическая регламентация общения в большинстве ситуаций; очень высокий уровень фатического общения и значительная доля фатического общения в структуре

коммуникации; большая роль письменного общения. К доминирующим чертам американского коммуникативного поведения относятся: общительность, демонстративный демократизм и доброжелательность, жизнерадостность, контактность, шумность, деловитость ведения беседы, правдивость в общении, терпимость, стремление к достижению компромисса, нелюбознательность, малоинформированность, тематическая ограниченность общения, большая роль устного общения в достижении договоренностей, любовь к демонстрации своих успехов, большая роль юмора в общении и др.

В коммуникативном поведении, характерном для русской языковой личности, И.А. Стернин выделяет общительность, нелюбовь к формальному, этикетному общению; табуированность коммуникативного выделения личности в общественных местах; несдержанность в проявлении эмоций; отсутствие традиции внешнего поддержания хорошего расположения духа; приоритет диффузного общения перед деловым общением; допустимость обсуждения сугубо личных проблем человека в группе общения; “коллективность” общения, стремление включить в общение всех присутствующих и включиться в уже идущее общение; оценочность, любовь к высказыванию оценок людей и событий в процессе общения; тематическое разнообразие, наличие разных тем для общения, набор которых весьма широк и дает возможность обсуждать практически любые темы; доминантность в разговоре, стремление говорящего завладеть вниманием, поговорить о себе, высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу; бескомпромиссность в споре; бытовая неулыбчивость: не принято улыбаться незнакомым, “просто так” [Стернин 1996: 104-105].

Итак, нормы речевого поведения являются реализацией ценностей, образующих ядро национальной культуры [Стернин 1996: 108]. В рамках данной работы особый интерес вызывают языковые проявления речевого поведения, коррелирующее с его доминантными особенностями, предопределяемыми структурой дискурса. Представляется, что для решения этой задачи изучению должны быть подвергнуты различные коммуникативные ситуации. Внимание к языковому ракурсу лингвокультурологического анализа вполне согласуется с результатами исследований,

показавших, что «именно проблемы языка лежат в основе многих, если не большинства недоразумений в области международных деловых отношений» [Де Вриз 2001: 68]. Соответственно, анализ вербального блока может способствовать идентификации и локализации культурологической компоненты, отвечающей за часто возникающее недопонимание в процессе общения.

2.2.5. Лингвокультурологический аспект лексико-грамматического блока речевого общения

Лексико-грамматический компонент предполагает оперирование нормами и вариантами единиц лексики и грамматики в зависимости от ситуаций общения. При этом, будучи рассматриваемым в рамках прагматико-экстралингвистического уровня лексико-грамматический компонент предполагает приоритизацию прагматического ракурса исследования. Как известно, «прагматика выступает ... как раздел лингвистики, изучающий значения и употребления форм языка в зависимости от ситуации общения, от типов речевых актов» [Гак 1998: 566]. Соответственно, прагматический аспект обуславливает рассмотрение единиц лексики и грамматики с точки зрения обслуживания ими речевого акта, реализации той или иной цели коммуникации, оказания определенного воздействия на слушателя. Прагматический план предполагает изучение различных типов речевых актов как иллокутивных, так и перлокутивных.

Таким образом, культурность в прагматико-экстралингвистическом ключе применительно к лексико-грамматическому компоненту предполагает грамотное владение прагматическим арсеналом языка: строением речевого акта и использованием лексико-грамматических средств с точки зрения достижения поставленной цели. В связи со всем вышесказанным представляется возможным выделить различные направления прагматического исследования, которые способствуют манифестации культурологической компоненты. Интерес для лингвокультуролога в этом плане может вызывать строение речевого акта, его лексико-грамматическая реализация,

иллокутивная семантика высказывания и составляющих его лексических и грамматических единиц. Среди речевых актов особое место занимают рече-этикетные формулы и ситуации вежливого общения. Речевой этикет привлекает внимание лингвистов, работающих в сфере прагматики, постольку, “поскольку прагматику интересуют конвенциональные речевые акты (то есть реализуемые социальными правилами или конвенциями обычаев и процедур, а это одна из главных черт речевого этикета), а также в связи с тем, что этикетные выражения включают в себя понятие реакции (психологические состояния)” [Фирсова 2001: 19]. В отдельный блок выделяются стереотипные высказывания также входящие в лексико-грамматический компонент речевого поведения.

Лингвокультурологический ракурс данной работы требует выявления действия культурологической компоненты в том числе и на материале лексико-грамматического блока речевого поведения. Лексико-грамматический блок речевого поведения испытывает заметное и значительное влияние национально-культурных факторов. Это проявляется в наличии специфических признаков, которые обусловлены системой дискурса данной национально-культурной общности. Система дискурса складывается под воздействием культуры в широком смысле, что было рассмотрено выше.

Ниже приводится анализ ситуации выражения несогласия, решенный в лингвокультурологическом ключе, рассматриваются вопросы, связанные с рече-этикетной проблематикой.

2.2.6. Средства выражения несогласия в лингвокультурологическом аспекте

Интерес к языковой личности, понимаемой как сочетание параметров социального, историко-этнического и ментального планов [Караулов 1987:116], с неизбежностью подводит лингвистов к необходимости описания конкретных языковых особенностей этой личности. Последнее, соответственно, представляет собой практический анализ конкретного языкового материала, исследование которого способствует выявлению национального

колорита, национальной специфики как результата длительного исторического развития, связанного с передачей опыта от поколения к поколению в рамках данной культурно-языковой общности. Объектом анализа могут выступить принятые в данном лингвокультурном сообществе языковые средства выражения речевого акта той или иной прагматической направленности. В качестве системообразующей характеристики выступает иллокутивная сила высказывания: несогласие / согласие, отрицание, возмущение, восторг и т.п. В настоящем исследовании предпринята попытка культурологического анализа некоторых проявлений речевого поведения в ситуации выражения несогласия.

Интроспективный анализ, теоретической предпосылкой которого является признание существования имманентных национально-культурных особенностей, могущих быть выявленными без сравнения с другими языковыми кодами [Добровольский 1998: 47], позволяет сделать следующие выводы. Ситуация несогласия предполагает наличие или выражение мнения, отличного от мнения другого лица или лиц. Соответственно, несогласие - это тот тип отрицания, который предполагает не столько утверждение какого-либо факта, сколько выражение чьего-либо суждения или мнения [Leech, Svartvik 1983: 222]. Соответственно, ситуация несогласия порождает следующие мотивы говорения: (а) говорящий не согласен с высказанным мнением, суждением, предположением; (б) он хочет выразить свое мнение и (в) он полагает, что собеседник выслушает его. Семантически несогласие предполагает несогласие с высказанным мнением, предложением или констатацией (факта, предпочтений, жалоб и т.п.). Необходимо отметить, что английский язык характеризуется специальным набором языковых формул, служащих выражению несогласия: прямого назначения (*It isn't/ doesn't/ can't, etc.; I don't agree (with you) (there); I disagree (with you) (there); You are mistaken; Nothing of the kind; Nonsense; Rubbish; Ridiculous* [Иванов, Поуви 1989: 76-79]) и опосредованного действия (*I don't know; I wouldn't say that; Do you really think so?* [Иванов, Поуви 1989: 79]). В соответствии с принятым поведенческим кодом носители английского языка предпочитают опосредованные средства выражения несогласия [Стернин 1996:

104]. Прямое выражение несогласия считается проявлением резкого тона. Подтверждением этому является наличие в тексте индикаторов повышенной эмоциональности отрицательного свойства. Так, в нижеследующем тексте резко отрицательное *nonsense* поддержано глаголом *snapped*, связывающим отношение к сообщению (прямое несогласие) и характер вербализации данного отношения.

E.g. “*Niccolo has the most brilliant mind of anyone at present in the service of the Signory*”, he said now.

“Nonsense”, *snapped* Monna Francesca (Maugham, 9).

Единственным исключением в данном случае является профессиональный разговор или официальное интервью, где ценится точность и высказывание по сути дела. В этом случае используются средства, принадлежащие соответствующему регистру речи. Объективность и прямота, высоко котирующиеся в официальной обстановке, уступают место толерантности в ситуации повседневного общения. В последнем случае собеседники избегают средств выражения несогласия прямого назначения с тем, чтобы не обидеть другого человека или не оскорбить его чувств. Кроме того, для этой цели используются языковые средства, смягчающие несогласие. К ним относятся вводные слова и словосочетания (*I am afraid...; Personally...; Well...; As a matter of fact..., etc.*), использование вопросительных предложений, условного наклонения, распространенных предложений в отличие от нераспространенных, характеризующихся резкостью тона вследствие своей краткости.

E.g. “*What a wonderful surprise! Aren't you a sweetie to call?*”

“I'm afraid we have some terrible problems here, and I had to call” (Bach, 132).

John: And then this crazy time began.

Mollie: Why do you say it's crazy? It's perfectly ordinary (Am. Plays, 78).

John: You did help him. For half your lifetime you helped him.

Mollie: If I had truly helped him, he would be alive today (Am. Plays, 137).

Важным для носителя английского языка является соблюдение принципа вежливости при выражении несогласия.

Таким образом удается избежать спорных и конфликтных ситуаций. Смягчению выражения несогласия служит и то, что несогласие может прятаться за маской речевых актов другой прагматической направленности: (а) выражение невероятности происходящего (*That can't be true / I don't believe it*), (b) отрицания утверждаемого факта (*No / Not*), (с) половинчатого согласия (*Yes, I agree to a point / Yes, perhaps you are right*) и даже (d) согласия, скрывающего в своих недрах несогласие с высказыванием собеседника, что обнаруживается за счет использования противительных союзов:

E.g. (a) *"Of course it is possible one of the servants may be concerned, eh?" Colonel Bantry shook his head. "I don't believe it. They are all a most respectable lot. We had 'em for years"* (Christie 1983, 22).

"I suppose we ought to consider the dancing fellow, Raymond Starr. After all he saw a lot of the girl". "Can't believe he took much interest in her – or else he's a thundering good actor. And he's got an alibi too. I don't see we can make a case against him" (Christie 1983, 91).

(b) *"I'm afraid you know you're rather an idealist". "I?" He laughed. "Not me. I'm a hard boiled cynic"* (Christie 1983, 107-108).

Paris: The burglar was my father – in a burglar's face.

Mollie: Silly-billy! You see how silly the whole thing is. There is no burglar in the house and it's past two o'clock (Am. Plays, 73).

(с) *"I didn't need to learn the tenses of Greek verbs to know that", said Pierro.*

"Perhaps not, but it is reassuring to have good authority for following one's natural inclinations" (Maugham, 18-19).

Mollie: Once my daddy told me not to go to the Delight drugstore and not to eat ice cream. And I chanced to see the old lady and she looked into my eyes. And against my will I was drawn into the Delight Drugstore and I ate ice cream. Against my daddy's wishes and against my will.

John: But maybe you wanted to eat ice cream (Am. Plays, 80).

(d) *I am grateful to you for the offer but my area of concern is not in vague hypothesis and, to be frank, I need to know why I am being offered this post and what the actual nature of your intention is* (Sharpe, 77).

“My dominions border upon yours along an extended frontier. I am bound to take every means in my power to safeguard them. I know only too well that your city is ill-disposed to me. You have tried to embroil me with the Pope and the King of France. You couldn't have treated me worse if I were a murderer. Now you must choose whether you will have me as a friend or as an enemy.” <...>

“I can assure Your Excellency that there is nothing my government wants more than your friendship”, he answered blandly, “but they have not forgotten that you allowed Vitellozzo to invade our territories and they are doubtful of its value” (Maugham, 23).

Констатация невероятности утверждаемого и его отрицание позволяют говорящему сместить акцент с персоналии собеседника на обсуждаемое событие (примеры *a*, *b*) и тем самым избежать прямого выражения неправоты партнера по коммуникации. В случаях половинчатого и кажущегося согласия (примеры *c* и *d*) имеет место выражение “возражения под маской согласия” [Булыгина, Шмелев 1997]. Смягчение тона высказывания осуществляется за счет утверждений общего характера, принимающих форму благодарности, заверений в дружбе, преданности, благих намерениях, достоинстве собеседника и т.п. (см. оба примера *d*). “Общение в психологическом смысле всегда есть процесс решения коммуникативной задачи” [Красных 2001: 169], и способ решения коммуникативной задачи, то есть стратегия, тактика и привлекаемые средства, может быть детерминирован принадлежностью к данному лингво-культурному сообществу, что было наглядно проиллюстрировано в рамках анализа, произведенного выше.

Таким образом, речевая деятельность, которая складывается из речевых актов, а последние “связаны с личностью говорящего и личностью слушающего, но одновременно и с тем, что имеется общего у членов данного речевого коллектива” [Кубрякова 1986: 10], наряду с индивидуальными особенностями несет в себе некие общие характеристики, свойственные той или иной речевой общности. Поскольку речевая общность формируется членами лингво-культурного сообщества, речь каждого из них в той или иной мере будет содержать национально-специфические явления и

представлять собой материал для лингвокультурологического исследования.

2.2.7. Лингвокультурологический аспект рече-этикетного блока

Формы дискурса закрепляются посредством формата, заданного этикетным общением. При этом под этикетом понимается “совокупность специальных приемов и черт поведения, с помощью которых происходит выявление, поддержание и обыгрывание коммуникативных статусов партнеров по общению” [Байбурин, Топорков 1990: 5]. Таким образом, этикет выполняет роль “механизма балансировки общения” [Байбурин, Топорков 1990: 7] посредством рече-этикетных формул. Именно рече-этикетные формулы служат передаче национальной специфики коммуникации, поскольку речевой этикет отражает понятия должного, требуемого, ожидаемого, одобряемого, коррелирует с культурно-историческими процессами, происходящими в обществе [Фирсова 2001: 10]. Изучение рече-этикетного общения восполняет картину национальной специфики языковых единиц, культурологически маркированных в силу национальной детерминированности самого этикетного общения. Это обстоятельство объясняется тем фактом, что в рече-этикетном общении “роль языка сводится к тому, что он выступает средством знакового хранения стандартов поведения, учитываемых при планировании будущих действий” [Сорокин, Тарасов, Уфимцева 1982: 8].

Исследования речевого этикета ведется посредством выделения ситуаций речевого этикета и обслуживающих их рече-этикетных формул. При этом “под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических стереотипных устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности” [Формановская 1987: 9]. Этикетное общение строится на основе учета межличностных отношений, которые в свою очередь регулируются принципами вежливости, что необходимо

для приобретения ими статуса этикетных. Речевой этикет осуществляет прежде всего функцию вежливости. Этикетные правила речевого поведения диктуют говорящему, что он должен проявлять внимание к окружающим, отдавая предпочтение собеседнику, блюсти его авторитет и статус, доверять его словам, преодолевать свое “Я” как точку отсчета в построении высказывания, экономить время адресата и переходить к сути дела в подобающий момент разговора [Тарасова 1992].

Роль речевого этикета наиболее ярко выступает в ситуациях общения, которые поддаются стереотипизации. Стереотипизация осуществляется на основе вычленения тематически шаблонных ситуаций, подкрепленного функциональным анализом прагматико-коммуникативных координат: координата говорящего “я”, “координата слушающего – “ты”, координата места – “здесь”, координата времени – “сейчас”, и компонентов: “высказывание” и “цель” [Фирсова 2001: 10]. По тематическому критерию в русистике был выделен ряд стереотипных ситуаций: “Обращение и привлечение внимания”, “Приветствие”, “Знакомство”, “Прощание”, “Извинение”, “Благодарность”, “Поздравление”, “Пожелание”, “Приглашение”, “Предложение”, “Просьба”, “Совет”, “Предостережение”, “Одобрение”, “Комплимент”, “Разговор по телефону”, “Соболезнование”, “Сочувствие” и т. п. [Формановская 1982]. Эти так называемые социальные [Рубин 2001: 403] ситуации обслуживаются устойчивыми высказываниями, которые получают статус формул речевого этикета.

Исходя из того, что речевой этикет предполагает реализацию принципа вежливости и имеет две стороны: набор стереотипных ситуаций и набор обслуживающих их формул, можно предположить, что национальная специфика речевого этикета проявляется в особенностях реализации принципов вежливости: в перечне ситуаций, стереотипизированных и конвенционализированных¹⁷ данным лингво-культурным сообществом, и в наборе их обслуживающих языковых формул. Культурологическая компонента локализуется, во-первых, в

¹⁷ В этом отношении Д. Франк отмечает, что «значение реплик, касающееся управления взаимодействием, до некоторой степени зависит от взаимной договоренности» [Франк 2002: 255-256].

максимах вежливости. Так, для англоязычного общения необходимо следование устоявшимся и теоретически освещенным принципам речевого общения, или коммуникативным имплицатурам, Грайса (принципы кооперации и вежливости, что предполагает максимы такта, одобрения, скромности, согласия, симпатии) [Грайс 2001: 176-184]. Так, обобщая свои наблюдения над речевым этикетом англичан, В. Овчинников отмечал, что “английская вежливость предписывает сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику, который вправе придерживаться иного мнения. Отсюда склонность избегать категоричных утверждений или отрицаний..., тяга к вставным оборотам вроде “мне кажется”, “я думаю”, “возможно, я не прав, но...”, предназначенным выхолостить определенность и прямолинейность, способную привести к столкновению мнений”. Таким образом, при определенной универсальности принципов вежливости в своей конкретике они испытывают ощутимое влияние культуры лингвосоциума.

Во-вторых, культурологическая детерминированность речевого этикета обусловлена социальным регулированием различных ситуаций повседневного общения. Это находит свое выражение в стереотипизации различных ситуаций и, в конечном итоге, проявляется в варьировании набора ситуаций повседневного общения, получивших этикетное регулирование. Так, в русском языке отсутствует ситуация “Благодарность за приятно проведенное время в гостях”, то, что в английском языке обиходно именуется “*bread-and-butter letter*”.

В этой связи можно говорить о степени конвенциализации ситуаций общения в различных лингво-культурных сообществах. Так, например, еще в 1938 г. С. Моэм отмечал: «Преимущество русских перед нами состоит в том, что они в гораздо меньшей степени, чем мы, рабы условностей. Русскому никогда не придет в голову, что он должен сделать то, чего не хочет, только потому, что так положено. <...> Русский обладает гораздо большей личной свободой, чем англичанин. Он не связан условностями» [Моэм 2001: 92]. Отдавая дань возможной субъективности английского писателя при освещении данного вопроса, нельзя не согласиться с ним в том, что различные культуры представляют разное

пространство свободы от жесткого этикета при осуществлении коммуникации.

Национальная детерминированность и культурологическая маркированность демонстрирует и набор формул речевого этикета. Различие в формулах свидетельствует о приоритизации различных моментов рече-этикетной ситуации и, соответственно, о различии в самой структуре ситуации. Так, для английской языковой личности в ситуации ежедневного общения малохарактерна детальная беседа о состоянии здоровья. При поступлении конкретного вопроса о состоянии здоровья в английском языке обычные формулировки ответа включают: (*I'm*) *very / fairly / quite well, thank you; Fine, thanks; not too / so bad (thank you / thanks); All right, thank you / thanks; OK, thanks*. Обращает на себя внимание, к примеру, малая представленность ответов отрицательного свойства на вопрос о состоянии здоровья. И даже если ответ отрицателен, в предложении используются вводные слова или конструкции, смягчающие негативный характер ответа (*unfortunately, I'm afraid*). Этой же цели служат и интенсификаторы (*very, too, rather*): *Not too / very well, I'm afraid; I'm afraid I'm not feeling very / too well today; I'm afraid I've got rather a bad cold*. Возможным вариантом может стать указание на конкретную сферу проявления отрицательного свойства на общем положительном фоне: *A bit tired, otherwise all right* [Иванов, Поуви 1989: 15-16]. Жалоба на плохое самочувствие смягчается извиняющимся тоном говорящего. Все это вполне соответствует тенденции-правилу, действующему в общении англичан: они не склонны жаловаться [Плюхина 1991: 136].

Уважение к собеседнику у англичан выражается в том, чтобы держать себя в узде и не делать проблем для собеседника из своих собственных неурядиц. Для русской языковой личности уважение к собеседнику (полуформальная ситуация) проявляется в доверительных отношениях, которые позволяют поделиться “личным”. Более того, в русском языке существуют конкретные вопросы: “*Как здоровье?*” и это составляет отдельную тему для разговора, что, например, представлено в комплексном описании ситуаций повседневного общения в [Формановская, Акишина 1989: 97]. В английском языке запрос о состоянии здоровья включен в канву ситуации «Приветствие».

В-третьих, культурологическая маркированность проявляется и в словесной реализации формул речевого общения. Так, в англоязычных странах общераспространенным приветствием являются вопросы-осведомления: *Hello. How are you?, How are doing?, How are things?, What's up?* Вопросительная форма данных высказываний может ошибочно натолкнуть незнакомого с данными формулировками речевого этикета слушателя на выдачу ответа по существу вопроса. А это отнюдь не предполагается задающим. Именно вопросительная форма данных формул лежит в основании бытующего мнения о формальности в общении американцев, так как они не ожидают ответа на якобы заданный вопрос. В действительности, это высказывание лишь оформлено в виде вопроса, отнюдь таковым не являясь, а имеет статус этикетного высказывания, довольно строго регламентирующего характер ответа.

Этикетный аспект рассмотрения языковых единиц может проводиться и в плане изучения вербальных реакций говорящих на разные ситуации. В связи с тем, что поведение человека в быту испытывает заметное влияние культурных установок общества, культурологическая маркированность вербальных реакций не подлежит сомнению.

В.Г. Как классифицирует реакции говорящего в соответствии со следующими явлениями действительности:

- 1) формулы этикета (приветствия, формулы вежливости и др.): *здравствуйте, спасибо;*
- 2) реакции на неожиданные звуки, например, на чихание: *будьте здоровы;*
- 3) реакции на появление чего-либо или кого-либо, на возникновение чего-либо, на повторение явления: *только этого не хватало; здравствуйте, я ваша тетя; опять двадцать пять;*
- 4) реакции на определенную ситуацию: *порядок! Прости – прощай! Ты не прозрачный;*
- 5) реакции на слова, в том числе на вопросы, на мнение собеседника или другого лица: *С чего вы взяли? Спрашиваешь! А ты думал! Обойдешься! Расскажи своей бабушке!*

- б) оценка слов и действий другого человека: *ты что, с ума сошел! Как не стыдно!*
- 7) выражение побуждения, что само по себе также является выражением реакции на ситуацию или поведение других людей: *давай – давай!*
- 8) языковые игры и шутки, которыми нередко уснащается речь [Гак 1995: 48].

Все эти ситуации, провоцирующие реакцию говорящего, требуют использования клишированных формул. Источники этих оборотов речи могут варьироваться и включают широкий диапазон вербализованных систем: (1) язык СМИ; (2) изустные рассказы, притчи, басни, вошедшие в культурное достояние народа и связанные с его историческим прошлым или с культурным наследием; (3) язык рекламы; (4) фиксированные ситуации общения, коммуникативно маркированные как ситуативно-коммуникативные формулы (приветствие, просьба); (5) язык официальных распоряжений и объявлений; (6) язык публичного общения; (7) сакральные тексты; (8) заимствования из других языков: *OK, Wow, се ля ви, элементарно, Ватсон* [Гак 1995: 49-55].

Национально-культурная специфика реакций состоит в необозначенности той или иной ситуации клишированной формулой, различным прагматическим эффектом и целями использования клишированных формул, относящихся к одной и той же ситуации употребления, разнообразием источников данных оборотов. Так, общеизвестно, что английский язык не располагает пожеланием хорошего аппетита, а заимствует таковое из французского языка. Не имеется в английском языке стабильной фразы, соответствующей русскому: *Как спалось?*

Таким образом, культурологическая компонента эксплицируется в выборе рече-этикетных или стереотипных формул, в их наполнении, в адекватности прагматического эффекта ситуации общения. Конкретная локализация культурологической компоненты в связи с функционированием рече-этикетного блока является наглядным доказательством справедливости утверждения Н.И. Формановской о том, что речевой этикет является важным компонентом национальной культуры [Формановская 2002].

2.2.8. Конструктивные особенности фрагментов общения

Порядок следования фрагментов коммуникации испытывает заметное влияние культурологических факторов. Это связано с культурной обусловленностью аранжирования смысловых частей дискурса. Лингвокультурологи отмечают, что тема-рематическая структура коммуникации обуславливает различную композицию смысловых частей фрагментов коммуникации: говорящие могут сначала обрисовать общий контекст будущего высказывания и только после этого перейти к главной части или подчинить структуру дискурса обратной логике [Guirdham 1999]. Так, в результате лингвистического анализа было установлено, что коммуниканты-представители западных культур в большинстве своем сначала заявляют об основной, главной части высказывания, а затем уже дают обоснование причины, объясняя общий контекст происходящего. Так, американец скорее всего следующим образом изложит свою мысль, расположив причину вслед за предполагаемым действием:

E.g. We could announce price-cuts on 100 items for the next three months – we'd run a big press campaign and an in-store sales promotion, try to get lots of publicity [предполагаемое действие]. This way we'd really cut the ground out from our competitors with their selective weekly price cuts [причина].

Для представителей восточной культуры это заявление может прозвучать резко или может послужить смещению предполагаемого действия и причин его осуществления. Языковая личность, детерминированная культурными установками осуществления коммуникации, принятыми в восточных культурах, скорее всего построит свое сообщение в противоположном ключе, что связано с выбором иной тактики речи:

e.g. Our competitors are launching a campaign of weekly price cuts. This could have very serious consequences for our sales and market share [причина]. We could look at announcing price cuts on 100 items for the next three months [предполагаемое действие].

Соответственно, слушатель-американец, не привычный к такому следованию фрагментов коммуникации, будет проявлять

нетерпеливость и, вполне возможно, окажется невнимательным, когда говорящий дойдет до основной части своего высказывания [Guirdham 1999]. Таким образом, функционирование культурологической компоненты, обусловленной закрепившимися в данном этносоциуме стратегиями и тактиками речи, оказывает влияние на структурирование высказывания. Как явствует из рассуждений, изложенных выше, конструктивные особенности фрагментов общения культурологически маркированы и содержат в себе культурологическую компоненту.

2.3. Лингвокультурологический аспект паралингвистики

Значимость паралингвистических средств в процессе коммуникации не вызывает сомнения. В этом плане весьма показательно и примечательно определение паралингвистики Г.В. Колшанским. Он подчеркивает, что “паралингвистика не есть привесок или остаток, вычитаемый из языковой системы, а основной функциональный компонент параязыковой системы, то есть та коммуникативная подсистема, которая дополняет функцию вербальной коммуникативной системы” [Колшанский 1975: 215]. В силу этого они уже давно служат объектом пристального внимания лингвистов (см. [Чанышева 1983]). Вслед за С. Нимейер, к паралингвистическим относим такие средства, как проксемика, телодвижения, жесты, мимика, включая выражение глаз, и фонационные средства [Niemeier 1997: 287] (ср. также [Леонтьев 1997: 267-270]).

Мысль о национальной специфике кинетического кода прослеживается в целом ряде работ [Фирсова 2001: 20-21; Niemeier, Dirven 1997; Ortony & Turner 1990; Wierzbicka 1993]. Паралингвистический аспект лингвокультурологического исследования требует серьезного и кропотливого анализа не только художественных и других вербализованных источников, но, прежде всего, реального поведения носителя языка. Это предполагает изменение как методологической базы, так и объекта исследования, что требует перехода от анализа языковых единиц к анализу

процесса коммуникации как таковой. В связи с этим необходимо отметить, что паралингвистические средства не будучи интегрированы в систему языка, не имеют статуса речевых единиц [ЛЭС: 367]. Соответственно, полномасштабное изучение их культурологической маркированности и национальной детерминированности не может быть проведено в рамках данной работы в силу того, что объектом ее исследования являются языковые единицы. Данные соображения служат основанием лишь для освещения основных тенденций в изучении в лингвокультурологическом ракурсе проявлений кинесического кода.

Паралингвистический аспект (кинесика и проксемика) добавляет новые детали в описании вариативности форм человеческого поведения, психологии, мышления, обусловленных разнообразием культур. “Национальные “словари” жестов могут существенно различаться как по объему, так и по конкретному наполнению. Варьируется и их соотношение с другими средствами коммуникации, и прежде всего с языком” [Байбурин, Топорков 1990: 24]. Кроме того, варьированию в зависимости от культурных норм подвержены и механизмы запуска различных паралингвистических средств. Обязательность интегрированности паралингвистических средств в процессе коммуникации обуславливает их определяющее отношение к коммуникативной норме, так как норма “манифестируется не только языковыми (вербальными) элементами, но и компонентами неязыковыми (невербальными)” [Едличка 1988: 146-147]. Паралингвистика является отдельным объектом лингвокультурологического анализа и в этом плане служит еще одним доказательством и свидетельством большого потенциала исследований, направленных на предмет выявления национальной специфики.

2.4. Лингвокультурологический аспект исследования мотивационной базы

Важность рассмотрения мотивационной базы в рамках лингвокультурологического исследования объясняется тем, что мотив выступает одним из пусковых механизмов речевой деятельности. Принимая во внимание тот факт, что цель и мотив являются двумя основополагающими факторами речевой деятельности [Рубинштейн 2000: 390], необходимо отметить, что цель показывает то, к чему стремится человек, а мотив – почему он к этому стремится [Столяренко 1997: 249]. Мотив трактуется как потребность в совершении речевого действия, «стремление вмешаться в данную ситуацию общения» [Пассов 1989: 20]. С точки зрения В.Г. Афанасьева, мотивация формируется под воздействием потребностей, осознанных в виде различных желаний, интересов, целей. Она “являет собой не что иное, как потребность, соотношенную с социальной и природной средой, обогащенную представлениями, знаниями о внешних объектах и процессах, способных удовлетворить эту потребность человека” [Афанасьев 1977: 223]. Соответственно, «мотив это то, что объясняет характер данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего” [Зимняя 1978: 71]. Следовательно, существует связь между мотивом, с одной стороны, и содержанием и формой речевой деятельности, с другой [Кубрякова 1986: 16]. Что касается мотивационной стороны, то необходимо иметь в виду то, что «мотив значительно определяет содержание и направление деятельности. Он сводится к субъективной переработке объективно заданной ситуации» [Harnisch 1981: 52].

Мотивационная база принадлежит превербальному этапу коммуникации, который не является объектом рассмотрения данной работы в силу сконцентрированности на следующей, экстерииорирующей, фазе порождения речевого высказывания, связанной с языковыми параметрами высказывания. Исходя из

этого, представляется возможным лишь очертить рамки исследования мотивационной базы в лингвокультурологическом аспекте. При достаточно сильно выраженной универсальности мотивов вступления в общение, проведения коммуникации, национальная детерминированность, или культурологическая маркированность, будет проявляться в предпочтительности, частотности тех или иных мотивов, послуживших стимулом к говорению. Отмечается, что для английской языковой личности важностью обладает фатическая функция общения. Согласно ей человек вступает в коммуникацию для поддержания разговора как такового, чтобы прервать молчание, чтобы эксплицитно выразить отсутствие враждебного намерения. Соответственно, лингвокультурологическое исследование может быть сфокусировано на определении доминантных мотивов для вступления и осуществления коммуникации членами определенного лингво-культурного сообщества.

Кроме того, возможен соотносительный анализ мотивов и правил, регламентирующих общение. Ведь мотивационная база коммуникации складывается под влиянием правил вежливого общения, которые образуют основу некоего стандарта вежливости. Наконец, мотивационная база представляет собой ту базу возможных мотивов, которые в определенных ситуациях срабатывают как пусковые механизмы речевой деятельности. Порождение речи в лингвистическом аспекте начинается с мотива, то есть некоей движущей силы, повода, побудительной причины [ФЭС 2000: 277] появления высказывания. В силу своей природы он способствует проспективному формированию высказывания.

Следующее направление лингвокультурологического анализа мотивационной базы может быть связано с культурологическим подходом к речевой деятельности. Определение национальной специфики мотивационной базы вполне согласуется с пониманием национально-культурной специфичности речевой деятельности вообще. Попыткой привнесения культурологического аспекта в рассмотрение речевой деятельности является выделение наряду с индивидуально-психическим культурно-исторического подхода к анализу речевой деятельности. При таком подходе деятельность рассматривается

как независимое явление, в систему которой включены индивиды, выступающие в качестве элементов деятельности. Таким образом, деятельность представляется «в виде структуры, объясняющей разнородные и постоянно меняющиеся элементы» [Щедровицкий 1968: 74], при этом индивиды не рассматриваются как свободные, активные деятели. Такой подход акцентирует системный характер речевой деятельности, в определенной мере лишаящей человека говорящего индивидуальности и заставляющей его функционировать в соответствии с регламентом, требованиями системы. Это доказывает, что личностные мотивы есть всего лишь опции или набор опций из совокупности имеющихся. Естественно, что эти совокупности мотивационных опций, характеризуясь универсальными чертами, имеют и ряд национально-специфичных признаков в силу принадлежности к определенному лингвокультурному сообществу.

Анализ мотивационной базы может носить различный характер. Он может производиться в рамках психологической науки. В этом случае национально-культурный аспект свяжет мотивационную базу с менталитетом нации. Мотивационная база может быть изучена в соответствии с психолингвистическими установками. Тогда исследование будет проводиться на основе экспериментальных данных с целью поиска ассоциативных линий с экстерииризованным высказыванием. В лингвистическом плане, соглашаясь с тем, что мотив – это предмет деятельности, то есть речи, возможно проведение исследования языковой перспекции, а также определение круга типичных или стереотипных высказываний для той или иной ситуации¹⁸.

Все вышесказанное способствует идентификации и определению природы, происхождения культурологической компоненты, которая затем локализуется в вербальных средствах оформления и построения высказывания.

¹⁸ Лингвистическое исследование мотивов, целей, интенции говорящего см. в [Мухина 2004; Шакирова 2003].

2.5. Языковая личность и особенности гендера

Исследования проблематики языковой личности естественным образом стимулировало обращение лингвокультурологов к вопросам гендерных особенностей речи. Языковая личность не может быть нейтральной к гендерным параметрам в силу природной предопределенности и культурных традиций общества [Crystal 1995: 368; Linguistics 1995: 258]. Гендер предполагает социальный и культурологический конструкт женственности/мужественности и дифференцируется в зависимости от биологического пола субъекта. Понятие гендера охватывает поведенческие, культурологические и психологические параметры, ассоциируемые с половой особенностью индивидуума. В каждой культуре имеется четкое описание поведенческого кода личности в соответствии с ее биологическим полом. Следовательно, личности в зависимости от гендерных характеристик предписываются определенные роли, виды деятельности, образ жизни, а, следовательно, и языковое поведение. Все эти соображения обуславливают необходимость обращения к особенностям отражения гендера в рамках лингвокультурологического исследования.

Гендерные различия находят отражения на самых разных уровнях формирования высказывания и его экстерииоризированной формы: в реализации стратегии и тактики речи, в подборе лексики, грамматических структур, выборе тематики разговора и т.п. Наиболее яркими и очевидными являются различия в лексических предпочтениях мужчин и женщин. Это касается форм обращения, интенсификаторов, вводных слов и предложений, лексических единиц, служащих выражению чувств говорящего. Отмечается, что женщины обычно более разговорчивы и используют свои собственные эмоционально-оценочные слова и выражения. Стиль женского речевого поведения можно описать как коннотативный и экспрессивный, в то время как мужчины стремятся к использованию точной лексики в ее прямом значении и назначении. Они предпочитают слова с осязательным энергетическим зарядом (*hate, active, rush, must*). Речь женщины направлена на

взаимодействие и кооперацию. Поэтому в речи женщин чаще употребляются притяжательные местоимения, лексические единицы “приблизительности” выражения (*sort of, kind of*). Женщины более остро реагируют на содержание речи собеседника. Соответственно, их речь полна восклицаний, интенсификаторов (*terribly, extremely, really, so, such a, super, totally*), эмотивных прилагательных. Количество форм обращения, употребляемых женщинами, превосходит показатели употребительности тех же форм в речи мужчин.

Отмечаются определенные расхождения и в синтаксических предпочтениях мужчин и женщин. Так, женщины предпочитают не прямой способ выражения просьб, используя конструкции типа “*Could you...*”, “*Would you...*”. Женщины предпочитают говорить намеками, избегая конфронтации и ссор. В речи женщин заметнее представлены разделительные вопросы, которые способствуют плавному течению разговора. Предложения, используемые в речи мужчин, короче, ориентированы на выработку решения, прямо раскрывают смысл сообщения. В предложениях мужчин преобладает фактическая сторона, в языковом плане это подчеркнуто такими выражениями, как “*not a single*”, “*never*”, “*absolutely*”, “*definitely*”.

Кроме языковых различий гендер в некоторой степени предопределяет и содержательное наполнение речи говорящих, к сфере чего относятся тематические предпочтения. Отмечается, что женщины имеют склонность к обсуждению личных чувств, мужчины же предпочитают спортивную и новостную тематику. При обсуждении проблем мужчины скорее дадут совет или найдут решение, в то время как женщины обратятся к своему профессиональному опыту, который соотносится с обсуждаемой проблемой [Scollon & Scollon 1995: 235; Yule 1999: 242].

В исследовательском плане интересной представляется возможность убедиться в правильности отмеченных тенденций на основе анализа сходных в тематическом и коммуникативно-целевом отношениях диалогов. Ярким примером этого является эпизод из одного романа А. Кристи (Christie 1969), когда две супружеские пары сталкиваются с одной и той же проблемой адюльтера со стороны одного из супругов. В семье Маршаллов

в «неуставные» отношения входит жена, Алина. В семействе Редфернов - муж, Патрик. Супруг и супруга каждой пары проводит «профилактическую» беседу. Цель этой беседы одна – предупредить супруга / супругу о недопустимости подобного поведения с точки зрения семейной и общественной морали. Действие происходит на глазах постояльцев курортного отеля Джолли Рождер. Кроме того, под угрозу поставлено само существование каждой конкретной семьи. Все это требует остановить начавшиеся было развиваться отношения.

Стратегически мужской разговор (стр. 28-32 вышеназванного романа А. Кристи) выверен и состоит в том, чтобы четко доказать вину собеседника посредством последовательных утверждений. Соответственно, запрос информации проводится в несколько этапов. Кеннет Маршалл спокойно ведет свою линию, тем самым заставляя собеседницу признать утверждаемый им факт. Его первоначальный вопрос формулируется в виде утверждения: *You've met Redfern before, I gather?* Как известно, общий вопрос с неинвертированным порядком слов, так называемый декларативный вопрос, является более сильной формой смягчения императивного компонента вопросительного высказывания. Семантическая особенность декларативного вопроса состоит в том, что в нем содержится предположение о некотором положении дел, так и скрытое побуждение к слушающему оценить правильность высказываемого предположения. Декларативный вопрос предоставляет говорящему широкие возможности для выражения степени уверенности высказываемого предположения за счет введения в него модальных модификаторов: вводно-модальный слов и фраз (типа: *perhaps, of course, I think, I imagine, I hope*), модальных глаголов в функции предположения, а также показателей логического вывода (типа: *so, then, and, but, as far as I can see*). В современном английском языке отмечается широкое распространение декларативных вопросов в речи разных социальных групп, включая самые престижные. Их число в полтора раза превышает число общих вопросов с инвертированным порядком слов. Они встречаются как при равных, так и при неравных отношениях между коммуникантами, чаще при значительной социально-психологической дистанции. По

сравнению с инвертированными и присоединительными вопросами декларативные вопросы являются более вежливой формой запроса информации благодаря скрытой апелляции к выражению ответной реакции, а также благодаря возможности варьирования степени категоричности предположения.

Получив утвердительный ответ, Кеннет Маршалл доводит начатое им мысленное расследование до логического завершения: *Did you know that he and his wife were coming down here?* При этом последовательный ход ведения им разговора подтверждается и его поведением: *His face, as usual, displayed no emotion of any kind. It was pleasant and ordinary.* Логике избранной Кеннетом стратегии соответствует высказывание, уличающее Алину. При этом в нем не содержится инвектив, упреков и разного рода эпитетов отрицательного свойства: *I thought that that was what put the idea of this place into your head. You were very keen we should come here. Далее он просто констатирует факт: I suppose the truth of it is that you told young Redfern that you were coming here?* И далее уже Кеннет Маршалл не спрашивает жену для подтверждения верности понимания им ситуации, а “раскладывает” ситуацию и заставляет Алину признаться в том, что она осознает то, что Патрик Редферн не равнодушен к ней, и она с удовольствием этим “играет”: *“They are rather a nice young couple. The boy’s fond of his wife, really. Must you upset the whole blinking show?” <...> “Well, of course, I know people do go crazy about me. But it’s not my doing. They just get like that.” “So you do admit that young Redfern is crazy about you?”* Алине ничего не остается, как признать этот факт посредством его оценки: *It’s really rather stupid of him.* Последнее слово в разговоре принадлежит Кеннету Маршаллу, предупреждающего Алину в том, что он хорошо понимает ее проделки: *I think I know you pretty well, Arlena...*

Перед Кристин Редферн стоит сходная задача – продемонстрировать супругу, что она понимает особенности происходящего. Однако тактика достижения этой цели лишена холодной логики и рассудочности мужского типа. Запрос информации производится «мягким» способом – посредством вопроса, за счет чего оказываются задействованными языковые средства прямого назначения: *Did you know that woman was going to*

be here? На что, естественно, получает ответ: *I don't know what you mean*, так как ее вопрос эксплицировал лишь результат всего предыдущего хода рассуждений, представленного в латентной форме, а потому требующего пояснения для собеседника, что и подтверждается процитированной выше ремаркой. В результате разговор идет в обратном порядке, он полон чувств (*Her voice held feeling now. It trembled*), ненужной информации, упреков (*You insisted so on coming here. You were quite vehement. I wanted to go to Tintagel again* (сообщение не относящейся к делу информации) *where – where we had our honeymoon* (апелляция к чувствам). *You were bent on coming here* (оценивание поведения). На что получает утвердительный ответ супруга, признающего красоту местного пейзажа: *Well, why not? It's a fascinating spot*. Кристин Редферн остается только согласиться с высказанной оценкой. Она возвращается к основной теме разговора, но тем не менее опять не называет вещи своими именами, давая возможность собеседнику выиграть время в разговоре и настоять на своей линии. *“Perhaps. But you wanted to come here because she was going to be here.” “She? Who is she?” “Mrs Marshall. You – you're infatuated with her.”* Долгая словесная перепалка, которая сопровождает данное утверждение, заканчивается высказыванием Патрика, взывающего к рассудительности и упрекающего уже оправдывающуюся Кристин в неблагоразумии и отсутствии здравого смысла: *“Don't be ridiculous, Christine. And – and don't let's quarrel about it.” “I don't want to quarrel.” “Then behave like a reasonable human being. Come on, let's go back to the hotel.”*

Стратегически мужской разговор построен по принципу обозначения вех-аргументов. Женская стратегия избирает тактику апелляции к чувствам. Мягкость женского разговора состоит в нежелании называть вещи своими именами. Это неоднократно демонстрирует Кристин. В дополнении к уже процитированным свидетельствам можно добавить описание Алины, данное устами Кристин: *She's not just pretty woman. She – she's different! She's a bad lot! Yes, she is. She'll do you harm, Patrick, please, give it up. Let's go away from here*. Оперирование словами и словосочетаниями широкой семантики (*bad lot, do harm*), использование местоимения *it*, ни к чему конкретно не относящегося, не способствует решению

поставленной коммуникативной задачи. Все отмеченные выше особенности также характеризуют и Алину Маршалл. Она избегает именованя чувства ревности, давая ему обобщающую оценочную характеристику: *Kenneth darling, you're not going to be horrid, are you?* Мужской тип разговора требует конкретного именованя того, о чем говорится. В зеркально отраженном сходном моменте разговора Патрик Редферн четко называет чувство, которое испытывает его жена: *This suspicious attitude is all wrong*. И чуть ниже совершенно конкретно: *Don't for goodness sake get into the habit of being jealous of every pretty woman we come across* (для сравнения: Алина прибегает к оценочной описательности при именованя чувства зависти и ненависти со стороны окружающих ее людей: *people do go crazy about me. They just get like that*). Эмоциональность женского разговора проявляется и в использовании интенсификаторов (в речи Алины: *I thought he was rather a pet. It was the greatest surprise! They said it was simply too marvellous – so unspoilt! You'll simply adore it here. It's so unfair blaming me. They just get like that. It's really rather stupid of him*. В речи Кристин: *You insisted so on coming here. You were quite vehement. We've been so happy She's not just any pretty woman*). Энергетически насыщенные слова и лексические единицы, служащие выражению чувств, также находят место в данных диалогах с женской стороны: *adore, blame, go crazy, vehement, you were bent on, infatuated*. Экспрессия женского разговора оказывается более представленной в результате использования эмфатических конструкций (*people do go crazy about me*), восклицательных предложений (*It was the greatest surprise!*), которые следуют не просто в единичном порядке, но и серийно (*It's what has come over you! Oh! Patrick! it has!; She's not just any pretty woman! She – she's different! She's a bad lot!*).

Таким образом, необходимо учитывать тот факт, что психосоциальное развитие личности, а также и ее речевое поведение подвержены влиянию особой социальной подсистемы, которую именуют гендерной. Изучение гендерных особенностей речи является неотъемлемой частью лингвокультурологических исследований в силу культурологической предопределенности самого гендера.

В плане построения стратегии разговора мужчины проявляют большую активность, подхватывая разговор и дольше удерживая его, что находит яркое подтверждение в межгендерной коммуникации [Scollon & Scollon 1995: 232].

ВЫВОДЫ

Прагматико-экстралингвистический уровень, или уровень культурности, представляет собой культурологически маркированный и национально детерминированный уровень структурной организации языковой личности. По определению, этот уровень включает в себя «то, что лежит за системой, <...> то, что сверх системы» [Кубрякова 1986: 17]. Соответственно, культурологическая маркированность данного уровня и составляющих его аспектов и компонентов обуславливается требованиями культуры, предъявляемыми к общению на том или ином языке. Эти требования манифестируются в системе дискурса посредством выбора форм и приоритизации той или иной модели дискурса. Система дискурса предполагает существование некоего конструкта дискурса, реализующегося на практике в виде той или иной модели. Форма дискурса актуализирует способ его построения. Система дискурса и создает основу для лингвокультурного единства коммуникантов. Базой для этого единства является коммуникативная общность, толкуемая А.А. Леонтьевым как «сходный информационный уровень собеседников, сходный опыт общения в прошлом, опора на общеизвестные сведения» [Леонтьев 1988: 115]. Природа этой коммуникативной общности имеет характер прецедентности. Прецедентность понимается как наличие кванта культурологически маркированных фоновых знаний в языковом опыте членов лингво-культурного сообщества в силу их воспроизводимости. В этом качестве в дискурсе выступает логоэпистема. Она используется для языкового обозначения прецедентных явлений, занимающих совершенно определенное место в культурной жизни общества. Прецедентные явления охватывают прецедентные тексты, прецедентные псевдотексты,

прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентные факты, прецедентные «словечки», прецедентные ситуации, прецедентные жанры.

Невербальный блок знаний окружающего мира предполагает владение данными истории, картины мира того или иного лингво-культурного сообщества. Соответственно, это ведет к способности оперировать ценностными установками этносоциума. В свою очередь ценностные установки этносоциума и поощряемые обществом концепции личности и межличностных отношений оказывают прямое воздействие на принципы речеведения. Принципы речеведения определяют построение модели дискурса, продиктованной системой дискурса с поправкой на форму. Форма дискурса, коррелируя с выбором способа построения в зависимости от принятых в обществе концепций личности и межличностных отношений, оформляет требования к вербальному компоненту речеведения. Вербальный аспект речевого поведения является результатом фиксации произносительного, лексико-грамматического, структурного и эстетического компонентов построения высказывания (ср. аспекты взаимодействия языка и культуры в [Саяхова 1995: 8-9]).

На прагматико-экстралингвистическом уровне культурологическая компонента имплицирована самой системой дискурса. Ее экстерииоризация производится посредством реализаций форм дискурса. Следствием этого является возможность прямо противоположной векторной направленности исследований национальной специфики культуры. В качестве первоначального представляется возможным исследование системы дискурса с иллюстрированием ее требований и закономерностей посредством анализа вербального аспекта общего фонда знаний. Кроме того, возможен индуктивный ход исследования: от языковой наглядности к выводам о системе дискурса.

ВОПРОСЫ

1. Что входит в прагматико-экстралингвистический уровень языковой личности?

2. Каковы подходы к определению речевого поведения?
3. Что такое единая информационная база? Каковы составляющие единой информационной базы?
4. Каковы возможности лингвокультурологического анализа культурно-речевого блока?
5. Что такое реалии?
6. Какова трактовка фоновых знаний в современной лингвистике?
7. Как следует понимать систему, модель и форму дискурса?
8. Каковы возможности лингвокультурологического исследования рече-этикетного блока?
9. Что представляет собой логэпистема?
10. Каковы перспективы лингвокультурологического анализа прецедентных текстов, прецедентных высказываний, прецедентных имен, прецедентных ситуаций?
11. Как классифицируются прецедентные феномены?
12. Что составляет исследовательскую базу гендерной лингвистики?

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов А.О., Поуви Дж.* Английские разговорные формулы. – М.: Просвещение, 1989.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
3. *Плюхина З.А.* Англичане говорят так: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1991.
4. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // *Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева.* – М., 1996. - С.
5. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/ Slovo, 2000.
6. *Leech G., Svartvik J.* A Communicative Grammar of English. – М.: Prosveshcheniye, 1983.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (и послесловие)

Данное исследование имело целью выявление и описание структуры прагматико-экстралингвистического уровня языковой личности с учетом его культурологической маркированности. Трудность, с которой сопряжена подобного рода работа, связана с сочетанием лингвистических и экстралингвистических факторов при описании языковых фактов. Необходимость обращения к последним зафиксирована в целом ряде работ [Куртин 1999: 98; Серю 2001: 553-554; Степанов 2003: 19; Трубачев 2002; Филлмор 1988].

Проблема заключается в том, чтобы увлечение экстралингвистической частью исследования не стало бы «слабым звеном» проводимого анализа. Вместе с тем лингвисты уже дали образцы такого успешного сочетания, что, собственно, придавало нам научной смелости при проведении собственного исследования подобного рода.

Другой трудностью при проведении данного исследования явился вопрос выбора научных методов, поскольку «роль методики исследования <...>, как свидетельствует история языкознания, настолько велика, что практически по методу лингвистического анализа получает свое название целое научное направление» [Мурашов 2002: 3]. Хочется надеяться, что за пестротой и многообразием примеров (выражение А.Ф. Лосева [Лосев 1999: 52]) в данном исследовании удалось выявить конкретные пути, методы и способы проведения лингвокультурологического анализа в области прагматико-экстралингвистического уровня языковой личности. А это, в свою очередь, будет способствовать осознанию дальнейших перспектив такого рода исследований. Основой для дальнейшего изучения прагматикона носителя языка является предлагаемая нами структура единой информационной базы говорящего субъекта. Разрабатываемая нами единая информационная база дает возможность целостного анализа культурно-языкового взаимодействия с целью воссоздания и описания этно-культурного дискурса.

Надеемся, что общими усилиями лингвисты, психологи, антропологи, социологи смогут нарисовать портрет языковой личности с «лицом необщим выраженья». Хотелось бы отметить,

востребованность именно лингвистических работ в данной области исследований. Еще в 60-е годы прошлого столетия Ю.С. Степанов подчеркивал, что «исследования в области национальной культуры и национальной психологии приобрели гораздо большую четкость и конкретность благодаря опоре на изучение языка» [Степанов 2003: 19]. Языковая составляющая представляет собой тот надежный фундамент, то материальное основание, то неоспоримое свидетельство, которое позволяет ученым строить серьезные теории, увязывая в единое целое «проблемы языкознания, психологии, социологии и истории культуры» [там же]. Язык становится тем ключом, который помогает дешифровать «культурные формы переживаний, суждений, поведения», лежащие в основе и составляющие существо личности (см. определение личности [Орлова 2004: 230]), поскольку они поддаются вербализации и бесконечно вербализуются в ходе коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
- Александрова О.В.* Филология, когнитивная лингвистика, дискурсивные исследования: общее и различное // С любовью к языку: Сборник научных трудов. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский университет, 2002. – С. 61-65.
- Алефиренко Н.Ф.* «Язык» и «текст» культуры // Текст. Восприятие, информация. Интерпретация: Сб. докл. I Междунар. науч. конф. Рос. нового ун-та (Москва, 27-28 мая 2002 г.). – М., 2002. – Пленарное заседание: Текст как явление культуры. Информ.-аналит. Обработка текста / Сост.: Збруева Н.А., Иванова О.Ю. – С. 58-69.
- Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 364 с.
- Афанасьев В.Г.* Человек в управлении обществом. - М.: Политиздат, 1977. – 382 с.
- Ахманова О.С., Гюббенет И.В.* Вертикальный контекст как филологическая проблема // Вопросы языкознания. - 1977.- № 3. – С. 47-54.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1990. – 166 с.
- Баранов А.Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1990. – 45 с.
- Беллерт М.* Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Выпуск VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 172-207.
- Бельчиков Ю.А.* Академик Виктор Владимирович Виноградов (1895-1969). Традиции и новаторство в науке о русском языке: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2004. – 191 с.
- Беляева Е.И.* Принцип вежливости в речевом общении (Способы оформления декларативных высказываний в английской разговорной речи) // Иностранные языки в школе. – 1985. - № 2. – С. 12-16.
- Белянин В.П.* Психолингвистика: Учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 232 с.

- Бердяев Н.А.* Судьба России. Самосознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 544 с.
- Бицилли П.М.* Избранное. Историко-культурологические работы, том 1. – София: Университетско издательство «Св. Климент Охридски», 1993. – 396 с.
- Блинова О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 122-126.
- Бодалев А.А.* Психология общения. Избранные психологические труды. – 3-е изд., перераб и допол. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. – 320 с.
- Бок Ф.К.* Структура общества и структура языка // Зарубежная лингвистика. I: Перевод с англ. / Общая редакция В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 115-129.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 264 с.
- Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. – Изд-во Моск. Ун-та, 1993. – 223 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 199. – [I-XII], 780 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 405 с.
- Вендина Т.И.* Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002а. - № 4. – С. 42-72.
- Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка / РАН. Институт славяноведения. – М.: Индрик, 2002б. – 334 с.

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. - М., 1983. – 269 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Рече-поведенческое исследование Притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания. - 2000. - № 2. – С. 90-117.
- Виноградов В.В.* История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН/ Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. – М.: 1999. – 1138 с.
- Виноградов В.В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – М.: Наука, 2000. – 509 с.
- Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
- Воробьев В.В.* К понятию русской языковой личности // Язык и культура: Учебное пособие по спецкурсу / Отв. ред. Л.Г. Саяхова. – Уфа: Башк. гос. университет, 1995. – С. 86-96.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). - М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
- Газизов Р.А.* Коммуникативное поведение немецкой и русской лингвокультурных общностей (на материале речевого этикета): Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2001. – 222 с.
- Гак В.Г.* Национально-языковая специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры.- М.: «Языки русской культуры», 1999. –С. 260-268.
- Гак В.Г.* Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1995. - № 4. – С.47-55.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.- 416 с.
- Гаспаров М.Л.* О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. – СПб.: Азбука, 2001. – 480 с.
- Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А.* Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 302 с.

- Гаузенблаз К.* О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII.– М.: Прогресс, 1978. – С. 57-78.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
- Гез Н.И.* Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А., Фоломкина С.К., Шатилов С.Ф. – М.: Высшая школа, 1982. – 373 с.
- Герасимов В.И., Петров В.В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5-11.
- Герцен А.И.* Избранные философские произведения. Том второй. – М.: ОГИЗ, 1948. – 367 с.
- Голякова Л.А.* Текст. Контекст. Подтекст. – Пермь: Пермский университет, 2002. – 232 с.
- Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. - М.: Наука, 1980. – 104 с.
- Горький М.* Собрание сочинений в 30 томах. Том 29. Письма, телеграммы, надписи: 1907-1926. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 671 с.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Межличностное общение / Сост. и общая редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погольши. – СПб.: Питер, 2001. – С. 171-195.
- Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 5. - М., 1970. – С. 114-142.
- Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж.* Меморандум о языковых универсалиях // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 5. – М., 1970. – С. 31-44.
- Гудков Д.Б.* Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. - М.: Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
- Гудков Д.Б.* Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // IX Конгресс МАПРЯЛ (Братислава 1999): Доклады и сообщения российских ученых. – Москва, 1999(к). – С. 120-126.
- Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999(м). – 152 с.

- Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
- Гулыга 2002* – Гулыга А.В. Русская идея как постсовременная проблема // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 5-24.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
- Гюббенет И.В.* К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте // Вопросы языкознания. – 1980. - № 6. – С. 97-102.
- Де Вриз М.* Internationally Yours. Международная деловая переписка как средство достижения успеха. / Перевод с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2001. – [XVI], 386 с.
- Декленко Е.В.* Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 22 с.
- Драч Г.В.* Культура // Человек и общество. (Культурология) Словарь-справочник. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 233-245.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
- Захаренко И.В.* Прецедентное высказывание как объект лингвокогнитивного анализа // IX Конгресс МАПРЯЛ (Братислава). Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С. 143-150.
- Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
- Здравомыслов А.Г.* Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт / Под ред. М. Брилл Олкотт и И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001. – С. 34-57.
- Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
- Зинченко В.П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 368 с.

- Иванов А.О., Поуви Дж.* Английские разговорные формулы. - М.: Просвещение, 1989. – 128 с.
- Иванова С.В.* Культурологический аспект языковых единиц. – Уфа, 2002. – 114 с.
- Иванова С.В.* Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Автореферат дисс. ... доктора филол.наук. – Уфа, 2003. - 41 с.
- Иванова С.В.* Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
- Ильин И.А.* Религиозный смысл философии / И.А. Ильин. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 694, [10] с.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
- Казарцева О.М.* Культура речевого общения: Теория и практика обучения. - М.: Флинта, Наука, 1998. – 496 с.
- Каменская О.Л.* Текст и коммуникация: Учебное пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.
- Карасик В.И.* Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, Р.М. Желтухиной. ИЯ РАН. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 24-44.
- Карасик В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987.- 262 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. - М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 560 с.
- Катречко С.Л.* Ментальность России и менталитет Западной Европы: сравнительный анализ // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1994. – С. 75-76.
- Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 326 с.

- Колшанский Г.В.* Паралингвистика. - М., 1974. – 81 с.
- Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 229 с.
- Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 5-30.
- Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. – 149 с.
- Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука, 1984. – 175 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. – 2000. - № 5. – С. 3-6.
- Кох В.А.* Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII.– М.: Прогресс, 1978. – С. 149-171.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
- Кубрякова Е.С.* Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. - 1993.- № 4. – С. 18-28.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.
- Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 327 с.
- Куртин Ж.-Ж.* Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и порт. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 95-104.
- Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 32-62.

- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Выпуск X. - М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Выпуск XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
- Леонтович О.А.* Русские и американцы: Парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. – С. 46-72.
- Методика / Под ред. *А.А. Леонтьева*. – М.: Русский язык, 1988. – 180 с.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН СЛЯ. Т.52. - 1993. - № 1. – С. 3-9.
- Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993.
- Лосев А.Ф.* Самое само: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
- Лучинская Е.Н.* Постмодернистский дискурс: семиологический и культурологический аспекты интерпретации. – Краснодар: Кубан. гос. университет, 2002. – 194 с.
- Львов М.Р.* Риторика. Культура речи. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – 272 с.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М., 2003. – 280 с.
- Маковский М.М.* Историко-этимологический словарь английского языка. – М.: Издат. дом «Диалог», 1999. – 416 с.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный изд. центр «Владос», 1996с. – 416 с.

- Маковский М.М.* Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов. – М., 1996я. – 329 с.
- Мамардашвили М.К.* Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.
- Мартине А.* Предисловие // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. - Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. – С. 18-21.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Мозм С.* Записные книжки. – М.: Издательство «ВАГРИУС», 2001. – 1944 с.
- Мурясов Р.З.* Сравнительная морфология немецкого и башкирского языков. Глагол. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 174 с.
- Мухина Н.Б.* Цель как коммуникативно-прагматический фактор организации речевой деятельности говорящего (на материале современного английского языка): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 22 с.
- Никитина С.Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34-40.
- Николаева Т.М.* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978 (с). – С. 467-472.
- Николаева Т.М.* От звука к тексту. - М.: «Языки русской культуры», 2000. – 680 с.
- Ольшанский И.Г.* Немцы и русские: национальный менталитет (опыт сопоставления стереотипов) // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1994. – С. 104-105.
- Орлова Э.А.* Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с.
- Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2004. – 480 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания: Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 269, [3] с.

Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336 с.

Павловская А.П. Национальный характер в условиях глобализации: перспективы изучения // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. - № 1. – С. 108-118.

Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989. – 323 с.

Плюхина З.А. Англичане говорят так – М.: Высшая школа, 1991. – 175 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки; изд-во Воронежского гос. университета, 2002. – 59 с.

Почетцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. - № 6. – С. 110-122.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Изд-во ИКАР, 1997. – 228 с.

Пфандль Х. «Не делай мне жизнь тяжело!» (Mach' mir das Leben nicht schwer!) Некоторые наблюдения о силе языковых концептов в контексте языков // Слово во времени и пространстве. К 60-летию проф. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – С. 358-373.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.

Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / Под ред. проф. Г.Н. Акимовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – 296 с.

Рубин К.Х., Роуз-Крэснор Л. Решение межличностной проблемы и социальная компетентность детей // Межличностное общение / Сост. и общая редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погольши. – СПб.: Питер, 2001. – С. 396-449.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 712 с.

Салмина Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление. – Казань, 2001. – 169 с.

Саяхова Л.Г. Спецкурс «Язык и культура» в системе профессиональной подготовки студентов-филологов // Язык и

- культура. Учебное пособие по спецкурсу / Под редакцией Л.Г. Саяховой. – Уфа, 1995. – С. 3-50.
- Сгалл П.* К программе лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 79-88.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 1992. – 319 с.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. *Б.А. Серебрянникова.* – М.: Наука, 1988. – 216 с.
- Серио П.* Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549-562.
- Сорокин Ю.А.* Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. ИЯ РАН. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 7-23.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В.* «Культурный знак» Л.С. Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1982. – С. 5-12.
- Степанов Ю.С.* Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – С. 5-42.
- Степанов Ю.С.* Изменчивый «образ мира» в науке XX века // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 7-34.
- Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. - М.: Наука, 1989. – 248 с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. - М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
- Степанов Ю.С.* Париж – Москва, весной и утром ... *Предисловие* // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и порт. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 3-11.

- Степанов Ю.С.* Семиотика концептов // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С. 603- 612.
- Степанов Ю.С.* Французская стилистика (в сравнении с русской): Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 360 с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М., 1996. - С. 97-112.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. - М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. - 320 с.
- Столяренко Л.Д.* Основы психологии. Р-на-Д: Изд-во «Феникс», 1997. - 736 с.
- Тарасова И.П.* Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. - М., 1992. - 175 с.
- Тарасова И.П.* Смысл предложения-высказывания и коммуникация: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. - М., 1992. - 44 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 288 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово/Slovo, 2000. - 624 с.
- Титоне Р.* Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. Сборник статей / Общая редакция А.М. Шахнаровича. - М.: Прогресс, 1984. - С. 336-352.
- Ткаченко Л.П.* Прецедентные и квазипрецедентные тексты с позиций методики преподавания РКИ // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков, II: Тезисы докладов и сообщений. - Братислава, 1999. - С. 178.
- Томахин Г.Д.* Реалии-американизмы. - М.: Высшая школа, 1988. - 239 с.
- Трубачев О.Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию начала публикации (1974-2003)// Вопросы языкознания. - 2002а. - № 4. - С. 3-24.
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О.Н. Трубачев; [Отв. ред. Н.И. Толстой]. - Издание 2-е, дополненное. - М.: Наука, 2002б. - 489 с.

- Успенский Б.А.* Избранные труды, т. 2. Язык и культура. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 688 с.
- Фаенова М.О.* Обучение культуре общения на английском языке. – М.: Высшая школа, 1991. – 144 с.
- Фесенко Т.А.* Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 228 с.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
- Фирсова Н.М.* Испанский речевой этикет. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 183 с.
- Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). – М.: Знание, 1987. – 160 с.
- Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1982. – 125 с.
- Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М.: Русский язык, 2002. – 160 с.
- Формановская Н.И., Акишина А.А., Акишина Т.Е.* Спросите, попросите... – М.: Русский язык, 1989. – 284 с.
- Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевого общения, лингвистике и риторике // Зарубежная литература. II./ Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 2002. – С. 254-264.
- Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.
- Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.
- Цурикова Л.В.* Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж, 2002. – 257 с.
- Чанышева З.З.* Взаимодействие языковых и неязыковых факторов речевого общения. – Уфа, 1984. – 80 с.
- Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи.* – М.: Наука, 1991. – 240 с.

- Чернявская Е.В.* От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2003. - № 3. – С. 68-76.
- Шабес В.Я.* Событие и текст. - М., 1989. – 175 с.
- Шакирова Э.Р.* Интенция говорящего и аспекты ее реализации (на материале английского языка): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 26 с.
- Шаховский В.И.* Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1998. - № 2. – С. 59-65.
- Шмидт З.Й.* «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 89-108.
- Щедровицкий Г.П.* Лингвистика, психолингвистика, теория деятельности // Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики) / Отв. ред. А.А. Леонтьев. - М.: Наука, 1968. – С. 68-77.
- Якушина Р.М.* Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 24 с.
- Языковая номинация (Общие вопросы)* / Отв. редакторы: Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
- America in Close-Up* / Fielder E., Jansen R., Norman-Risch M. – Longman Group UK Limited, 1990. – 282 p.
- Close R.A.* A Teachers' Grammar: An Approach to the Central problems of English. – Language Teaching Publications, 1994. – [V], 166 p.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. - Cambridge Univ. Press, 1995. – [VII], 489 p.
- Guirdham M.* Communicating across cultures. – London: T.J. International Ltd., 1999. - 225 p.
- Harnisch H.* Zur tätigkeitsbezogenen Sprachbetrachtung in der sowjetischen Psycholinguistik und zu ihren Grundlagen // Funktional-Kommunikative Sprachbeschreibung. Theoretisch-methodische Grundlegung. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von W.Schmidt. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981. – S. 44-55.

- Hirsh E.D. Jr.* Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1987. – 251 p.
- Hudson R. A.* Sociolinguistics. - Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1991. – 199 p.
- Hunn E.* Ethnosemantics // International Encyclopedia of Linguistics. Vol. 1/ Ed. by W. Bright. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. – P. 422-424.
- International Encyclopedia of Linguistics* / Ed. by W. Bright. Vol. 1. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. – [XVI], 429 p.
- Langacker R.W.* Cognitive Grammar // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 2. / Ed. by R.E. Asher. – Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press, 1994. – P. 590-593.
- Leech G., Svartvik J.* A Communicative Grammar of English. - M.: Prosveshcheniye, 1983. – 304 p.
- The Linguistics Encyclopedia* / Ed. by K. Malmkjaer. - London and New York: Routledge, 1995. – [XX], 575 p.
- McCarthy M.* Discourse Analysis for Language Teachers. – Cambridge University Press, 1996. – [X], 213 p.
- McHoul A.* Discourse // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 2. / Ed. by R.F. Asher. – Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press, 1994. – P. 940-949.
- Niemeier S.* Nonverbal expression of emotions in business negotiations // The language of emotions. Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier and R. Dirven. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 277-305.
- The language of emotions. Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier and R. Dirven. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – [XVIII], 333 p.
- Nunan D.* Introducing Discourse Analysis. - Penguin English, 1993. - [X], 134 p.
- Ortony A. and Turner T.J.* What's basic about basic emotions // Psychological Review. – 1990. - # 97. – P. 315-331.
- Rathmayr R.* Thematisierung von Kultur in argumentativen Phasen interkulturellen Verhandlungsgespräche // Slavistische Linguistik, 1997. – München, 1997. – S. 177-194.

- Scollon R., Scollon S.W.* Intercultural communication. A discourse approach. – Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1995. – [VIII], 271 p.
- Shiffrin D.* Approaches to discourse. – Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1994. – [X], 470 p.
- Tannen D.* Talking Voices. Repetition, Dialogue and Imagery in Conversational Discourse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 240 p.
- Van Dijk T.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. – London, 1998. – 368 p.
- Whorf B.* Language, Thought, and Reality. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956. – [XI], 278 p.
- Wierzbicka A.* Reading human faces // Pragmatics and Cognition. – 1993. - #1. – P. 1-23.
- Wodak R.* Critical linguistics and critical discourse analysis // Handbook of pragmatics. – Amsterdam; Philadelphia, 1995. – P. 204-210.
- Wodak R.* Disorders of discourse. – L., New York: Longman, 1996. – 200 p.
- Yule G.* The Study of Language. - Cambridge University Press, 1999. – [XII], 294 p.

СЛОВАРИ

- Ахманова 1969* – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
- Великобритания 1999* – Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. - М.: Русский язык, 1999. – 560 с.
- КСЛТ 2003* – Васильева Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. – 2-е изд., доп. – М.: Рус. яз., 2003. – 213 с.
- ЛЭС 1990* – Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Ожегов* – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. - М.: Русский язык, 1985. – 797 с.
- США 1999* – Томахин Г.Д. США: Лингвострановедческий словарь. - М.: Русский язык, 1999. – 576 с.

ФЭС 2000 – Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА, 2000. – 575 с.

Longman Culture 1992– Longman Dictionary of English Language and Culture. - Longman Group UK Ltd, 1992. – [F 31], 1528, [B27] p.

Список художественных источников

Am. Plays – Современные американские пьесы. - Л.: Просвещение, 1981. – 150 с.

Ackroyd - Ackroyd P. English Music. - Penguin Books, 1992. – 400 p.

Asimov – Asimov I. Take a Match // Science Fiction. English and American Short Stories. – М.: Progress Publishers, 1979. – P. 23-39.

Bach – Bach R. The Bridge Across Forever. - Pan Books, 1985. – 270 p.

Bradbury – Bradbury R. A Sound of Thunder // Science Fiction. English and American Short Stories. – М.: Progress Publishers, 1979. – P. 68-79.

Carroll – Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. – М.: Progress Publishers, 1979. – 235 p.

Christie 1969 – Christie A. Evil under the Sun. – Fontana Books, 1969. – 189 p.

Christie 1983 – Christie A. Puzzles. - М.: Vysshaya Skola, 1983. – 168 p.

Coppard – Coppard A.E. The Third Prize // Stories by modern English authors. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. – P.7-15.

Dickens - Dickens Ch. Bleak House. - М.: Foreign Languages Publishing House, 1957. – 931 p.

Grisham – Grisham J. The Testament. – New York: Island Books, 1999. – 533 p.

Heinlein – Heinlein R.A. – And he built a crooked house // Science Fiction. English and American Short Stories. – М.: Progress Publishers, 1979. – P. 113-132.

Huxley – Huxley A. Island. – Granada Publishing, 1979. – 336 p.

MacCarthy – MacCarthy D. Tears // Moscow News. - 2000. - № 15. – P. 9.

Maugham – Maugham W.S. Then and Now. - Pan Books, 1979. – 216 p.

Monette – Monette P. Halfway Home. – Avon Books, 1992. – 262 p.

O'Callaghan – O'Callaghan D. B. An illustrated history of the U.S.A. – Longman Group Limited, 1977. – 144 p.

Sharpe – Sharpe T. Grantchester Grind: A Porterhouse Chronicle. - Pan Books, 1995. – 490 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

NW – Newsweek

T – Time

USA T – USA Today